

На правах рукописи

АБДУЛХАКОВА Ляйсэн Равилевна

**РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ДЕЕПРИЧАСТИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.01 – Русский язык

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2007

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и языкознания государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина».

Научный консультант	доктор филологических наук, профессор Виталий Михайлович Марков
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор Виктор Аркадьевич Баранов
	доктор филологических наук, профессор Мария Александровна Пильгун
	доктор филологических наук, доцент Елена Михайловна Шептухина
Ведущая организация:	Омский государственный университет

Защита состоится 8 ноября 2007 г. в _____ час. на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп.2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казанского государственного университета.

Автореферат разослан _____ октября 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н. доцент

Т.Ю.Виноградова

Актуальность темы. Определяя основные направления исследований в области исторической морфологии русского языка, В.В.Виноградов отмечал, что «история деепричастий, способов их образования и синтаксического употребления... нам вовсе не известны». Конкретные источники современных деепричастных форм, хронология становления деепричастия, его грамматические и формальные особенности на разных этапах развития, основные синтаксические функции и их роль в этом процессе – все эти и другие вопросы неоднократно привлекали внимание ученых, высказывавших по ним весьма противоречивые и часто противоположные мнения (см., например, работы А.А.Потебни, Д.Н.Кудрявского, Е.С.Истриной, А.А.Шахматова, С.П.Обнорского, С.Д.Никифорова, Н.И.Маевской, П.Я.Черных, В.И.Борковского, А.Г.Руднева, В.Л.Георгиевой, В.И.Чагишевой, Ю.В.Фоменко, Л.Е.Лопатиной, А.Н.Стеценко, М.Деяновой, Л.К.Дмитриевой, Э.И.Коротаевой, И.Б.Кузьминой, Е.В.Немченко, Е.Г.Солуяновой, О.Л.Рюминой, А.А.Припадчева, Б.В.Кунавина, С.А.Полковниковой и др.).

Однако данная проблема не потеряла своей актуальности, поскольку в историко-лингвистической литературе до сих пор отсутствует представленное в хронологической последовательности **системное описание** процесса формирования деепричастия в русском языке. Несмотря на относительную исследованность названных вопросов, не определен и грамматический статус деепричастия.

Разнообразие мнений, высказывавшихся по поводу грамматического статуса деепричастия, связано с неоднозначным решением в научной литературе одного из основных вопросов грамматического строя языка – о выделении частей речи. Длительная история его разработки не привела к выработке в современном языкознании единого общепринятого понимания части речи и единых принципов их классификации.

Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой деепричастие является *формой глагола*. Однако эта *форма* характеризуется по-разному. В грамматических трудах середины XX в. она называется *неспрягаемой* (Грамматика русского языка 1953; А.Н.Гвоздев), позже – *неличной* (А.А.Зализняк, И.Г.Милославский), *атрибутивной* (Грамматика современного русского литературного языка 1970).

Другие ученые допускают возможность признания деепричастия самостоятельной частью речи, хотя и с различного рода оговорками (А.А.Реформатский, А.Н.Савченко, М.В.Панов, И.Г.Милославский, Н.М.Шанский, А.Н.Тихонов и др.), обращая внимание на специфику его грамматической семантики, особенности синтаксического употребления и неизменяемость формы.

Морфологические признаки деепричастия также определяются неоднозначно. Большинство лингвистов считает, что деепричастия обладают категорией *вида* (В.В.Виноградов, П.С.Кузнецов, А.Н.Тихонов, Русская грамматика 1980 и др.). В других работах говорится о наличии у

деепричастия категории *времени* (А.Х.Востоков, В.И.Чернышев, Д.Н.Кудрявский, В.И.Борковский, Т.П.Ломтев, А.А.Зализняк и др.). Подобные разночтения в характеристиках связаны с происхождением деепричастия и его последующим развитием. С одной стороны, деепричастия сформировались на основе действительных причастий настоящего и прошедшего *времени*. Кроме того, указание на категорию времени у деепричастия может быть связано и со спецификой значений, которые они могут передавать, выступая в предложении в качестве второстепенного сказуемого и обозначая время второстепенного действия через отношение ко времени основного действия, выраженного глаголом-сказуемым.

С другой стороны, способы образования деепричастных форм в процессе их исторического развития приобретали вполне определенную зависимость от *вида* производящего глагола. Однако и в современном русском языке продолжает сохраняться возможность образования деепричастных форм от одной и той же глагольной основы с помощью разных суффиксов, что не всегда находится в соответствии с видовой принадлежностью производящего глагола и приводит к появлению синонимичных образований.

Для древнерусского периода, когда для деепричастий связь с прошлым состоянием еще была достаточно живой, что выражалось как в разнообразии форм, так и в специфике синтаксических функций, считаем возможным говорить о деепричастиях настоящего и прошедшего *времени*, а начиная со старорусского периода – деепричастиях несовершенного и совершенного *вида* (далее – НВ и СВ), опираясь при этом на видовую принадлежность производящего глагола.

Таким образом, **актуальность** обращения к истории деепричастия в русском языке определяется наличием многих нерешенных и дискуссионных вопросов, связанных с этой категорией, а также отсутствием последовательного, системного описания ее становления в русском языке.

Объектом исследования является формирование деепричастия в качестве самостоятельной лексико-грамматической категории в русском языке.

Предмет исследования – деепричастия в истории русского языка, изучение которых осуществлялось по трем основным направлениям: семантико-грамматическому, формальному и функциональному. Главное внимание уделялось контекстуальным условиям употребления рассматриваемых форм, развитию отношений между синонимичными образованиями, которые определяли основные направления их стабилизации в истории русского языка.

Цель работы заключается в комплексном исследовании становления и развития деепричастия в качестве самостоятельной грамматической категории в истории русского языка с учетом формально-грамматических, синтаксических и стилистических особенностей его функционирования.

Задачи исследования:

— выявить основные черты сходства и различия в функционировании полных и кратких форм действительных причастий, нашедшие отражение в древнейших памятниках русской письменности и свидетельствующие о процессе их дифференциации, с одной стороны, и синкретизме старого причастия – с другой;

— выделить основные синтаксические позиции, способствовавшие обособлению кратких форм причастия и становлению на их основе деепричастия;

— определить основные грамматические значения и функциональные особенности, свойственные формирующимся деепричастиям на ранних этапах развития;

— показать смену временных характеристик старого причастия видовыми у деепричастий;

— охарактеризовать изменения в синтаксическом функционировании деепричастных форм;

— проследить процесс формальной стабилизации деепричастий, происходивший в результате сосуществования, взаимодействия и дифференциации синонимичных образований разного типа;

— выявить факторы, определявшие развитие отношений между синонимичными формами деепричастий на разных этапах их становления;

— показать различия в отношениях между синонимичными образованиями, имеющими разную видовую принадлежность;

— определить специфику использования деепричастий в прозе и поэтической речи с учетом влияния этих разновидностей языка на судьбу синонимичных форм;

— внести уточнения в стилистическую характеристику отдельных деепричастных образований с учетом специфики их употребления в разные периоды их развития;

— показать соответствие деепричастия всем критериям, необходимым для признания его самостоятельной грамматической категорией.

Материалом исследования послужили тексты разной жанрово-стилистической направленности, начиная с древнерусской письменности до современного русского литературного языка. Выбор конкретных источников для отдельных периодов истории русского языка определялся с учетом специфики данного этапа в становлении деепричастия. Основу исследованного материала составили примеры из источников, которые условно могут быть определены как “историко-публицистическое повествование”, хотя степень принадлежности разных произведений к таковым может в известной мере отличаться. Для XVIII-XXI веков круг источников был расширен за счет привлечения художественных текстов.

Методологической основой исследования явились положения о системности языка, взаимосвязанности и взаимообусловленности языковых явлений, о непрерывном характере языковой эволюции, одним из факторов

которой являются возникновение и развитие синонимических отношений, имеющих место на разных языковых уровнях.

Основными методами исследования стали исторический, сравнительный и описательный методы с элементами количественного анализа. Для выявления изменений, происходивших в древнерусском языке в сфере формирующихся деепричастий, было проведено сопоставление однотипных в лексическом, грамматическом и содержательном отношениях фрагментов разновременных летописных сводов, что позволило проследить отразившееся в них закрепление соотношения ‘вид – форма’ при образовании деепричастий.

Комплексный подход позволил определить основные тенденции развития анализируемых форм в результате сопоставления их образования и функционирования на разных этапах истории русского языка, в разных в стилистическом отношении текстах, а также показать направление изменений отдельных форм деепричастия как “развитие по спирали”.

Научная новизна работы заключается в следующем:

— впервые в результате анализа большого фактического материала получили системное освещение вопросы, связанные с эволюцией формирования и становления деепричастия, начиная с древнейшей эпохи и кончая его современным состоянием;

— факт образования деепричастий на базе причастий квалифицируется как семантическое словообразование так же, как и позднейшее возникновение предлогов, союзов и наречий на основе деепричастий;

— впервые показано, что в ранних древнерусских памятниках можно наблюдать начало процесса дифференциации кратких и полных форм древнего действительного причастия, которое в это время еще оставалось синкретичным;

— отмечено участие в формирующемся противопоставлении именных и местоименных образований не только именительного, но и дательного и винительного падежей как выразителей предикативного значения – одного из факторов выделения деепричастия;

— показана смена временных характеристик как основных категорий ранних деепричастий видовыми, свойственными деепричастиям позднего времени;

— установлено, что в эволюции и стабилизации грамматической нормы большую роль сыграли семантико-грамматические, синтаксические и стилистические факторы;

— впервые прослежены синонимичные отношения, существовавшие между разноаффиксными формами, выявлены основные направления их развития, способствовавшие становлению современной нормы образования деепричастий, а также установлены причины и условия сохранения вариантных форм на разных исторических этапах становления деепричастия;

— выявлена специфика функционирования отдельных синонимичных форм деепричастий в условиях поэтического текста, когда образования,

оцениваемые в грамматических руководствах как стилистически маркированные, могли выступать без стилистической окраски, а в качестве рифмо- или ритмообразующего средства;

— особенности синтаксического употребления деепричастий позволили утверждать, что их предикативные функции подверглись сокращению вследствие утраты возможности обозначать основное действие, тогда как способность выражать различные обстоятельственные отношения сохранилась. Выработка специфических синтаксических функций сопровождалась закреплением особого грамматического значения новой категории – значения второстепенного действия, одной стороны, и процессуального признака действия – с другой;

— впервые прослежено формирование деепричастия как грамматической категории, характеризующейся спецификой грамматической формы, категориального значения и синтаксической функции и проявляющей тенденцию к превращению в самостоятельную часть речи.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в разработку теоретических основ формирования лексико-грамматических категорий, а также позволяет восполнить недостающие звенья в понимании исторических процессов становления современной грамматической нормы. Определяя основные закономерности эволюции деепричастных форм, работа демонстрирует неразрывную связь семантических, грамматических, синтаксических и стилистических явлений в истории языка, показывает роль синонимических отношений, определивших стабилизацию и современное функционирование деепричастия. Изучение истории формирования деепричастия как особой грамматической категории создает реальную основу для более четкого и логичного построения исторической грамматики русского языка и способствует решению дискуссионных проблем, касающихся происхождения, хронологии становления, функционального развития, стилистической маркированности деепричастных форм в процессе их эволюции.

Комплексный анализ материала широкого круга разножанровых источников, основанный на признании взаимодействия разных уровней языковой системы, позволяет отметить ведущую роль семантико-грамматического и функционального аспектов в процессе формирования категории деепричастия в русском языке.

Большое методологическое значение имеет положение о соотносительности в судьбах прилагательных и причастий в истории славянских языков.

Теоретические положения работы и приведенные в ней материалы способствуют дальнейшему развитию таких понятий, как “грамматическая синкрета” и “грамматический синкретизм”.

Практическая значимость работы. Основные положения и материалы исследования могут быть использованы в курсах по исторической грамматике русского языка, истории русского литературного языка,

исторической стилистике, а также в курсе современного русского языка, в спецкурсах по истории отдельных грамматических категорий. Результаты исследования и наблюдения, приведенные в работе, позволяют внести уточнения в квалификацию стилистически маркированных образований, которая менялась в процессе развития деепричастия, что может быть учтено при составлении грамматических пособий и руководств.

На защиту выносятся следующие основные положения работы:

1. Древнее славянское действительное причастие представляло собой грамматическую синкрету, давшую начало двум новым грамматическим категориям – собственно причастию и деепричастию. Такое состояние отчасти сохраняется в древнерусских текстах. Вместе с тем уже в старославянских и ранних древнерусских памятниках нашел отражение и процесс дифференциации полных и кратких причастных форм, проявившийся, прежде всего, в их синтаксическом и семантико-грамматическом противопоставлении в различных контекстуальных условиях.

2. В процессе обособления именных форм ведущая роль принадлежала функционально-грамматическому фактору – выражению предикативного значения, что привело к участию в нем не только именительного, но и косвенных падежей (дательного и винительного).

3. Категория времени, присущая древнему причастию, нашла отражение в способности формирующегося деепричастия к выражению временных соотношений с основным глагольным сказуемым. Однако в процессе формального становления деепричастия постепенно закрепляется зависимость его внешнего облика от категории вида производящего глагола.

4. Стабилизация формальных показателей деепричастия происходила в течение его многовековой истории и заключалась во взаимодействии и конкуренции разноаффиксных образований. Синонимичные формы не сразу уступали свои позиции, находя разные возможности для своего сохранения. Вариативность, сохраняющаяся в деепричастиях и в современном русском языке, свидетельствует о незавершенности этого процесса.

5. Деепричастие, выработавшее в результате длительной истории своего становления специфическое грамматическое значение (*дополнительного*, второстепенного действия, а также *процессуального* признака действия), выполняющее в предложении предикативные (*второстепенное* сказуемое), обстоятельственные, а также предикативно-обстоятельственные функции, обладающее особыми грамматическими показателями и характеризующееся неизменяемостью формы, проявляет довольно отчетливое стремление к превращению в самостоятельную лексико-грамматическую категорию. Все перечисленные характеристики свойственны деепричастию на всех этапах его формирования и становятся все более определенными по мере приближения к современному состоянию.

6. Развитие отдельных грамматических категорий, как и само развитие языка, представляет собой длительный и непрерывный процесс, поэтому определение хронологических рамок их становления включает в себе объективные трудности и не всегда может быть однозначным.

Апробация работы. Работа обсуждалась и была рекомендована к защите на кафедре истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

Основные положения и результаты исследования были представлены на 23 международных, всероссийских, региональных и межвузовских конференциях, среди которых: «Закономерности языковой эволюции» (Рига, Латвийский университет, 1990); «Г.Р.Державин: личность, творчество, современное восприятие» (Казань, КГУ, 1993); Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. В.В.Виноградова (Москва, 1995); «Бодуэн де Куртенэ: теоретическое наследие и современность» (Казань, КГУ, 1995); «Актуальные проблемы истории русского языка» – конференция, посвященная 70-летию проф. В.М.Маркова (Казань, КГУ, 1997); «Языковая семантика и образ мира» (Казань, КГУ, 1997); «Актуальные проблемы современной русистики» (Киров, 2000); Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры (Чебоксары, 2000); «Филология на рубеже тысячелетий» (Ростов-на-Дону, Новороссийск, 2000); «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 2001; 2004); «Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы» (Москва, 2002); «Г.Р.Державин в новом тысячелетии» (Казань, КГУ, 2003); Конференция ИЛИ РАН, посвященная памяти проф. Ю.С.Сорокина и проф. Л.Л.Кутиной (СПб., 2005); VI Славистические чтения памяти проф. П.А.Дмитриева и проф. Г.И.Сафронова (СПб, СПбГУ, 2005); I, II, III «Бодуэновские чтения» (Казань, КГУ, 2001; 2003; 2006) и др., а также на итоговых научных конференциях КГУ.

По теме диссертации опубликовано 40 работ (11,7 п.л.), а также учебное пособие «Из истории русского деепричастия» (3,8 п.л.) и монография «Развитие категории деепричастия в русском языке», 2007 (12,5 п.л.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, списка принятых в работе сокращений и источников исследования.

Содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются цель и задачи, дается характеристика материалов и методов исследования, отмечаются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются положения, выносимые на защиту,

приводятся сведения о разработке вопроса о критериях выделения частей речи и о грамматическом статусе деепричастия в русском языке.

В 1 главе «Проблема происхождения деепричастия в историко-лингвистической литературе» рассматривается освещение названной проблемы в научной литературе. В ней нашли отражение следующие аспекты:

- вопрос о непосредственных источниках деепричастных форм;
- хронология формирования деепричастия в русском языке;
- критерии выделения деепричастия в древнерусском языке.

Вопрос о времени возникновения деепричастия в русском языке является одним из дискуссионных: хронология этого процесса определяется неоднозначно. Разные мнения существуют как по поводу начала перехода причастий в деепричастия, так и завершения этих преобразований. Наиболее определенно пишет о появлении деепричастия А.А.Потебня: «Еще довольно трудно в точности определить, как продолжителен период... образования деепричастий. Кажется несомненным, что в конце XIV в. причастия действительные аппозитивные были уже только в книжном языке, и деепричастие, как вполне определившаяся часть речи, уже существовало, хотя и отличалось кое-чем от нынешнего» [Потебня 1958, 186]. Вместе с тем большинство исследователей связывает завершение процесса формирования деепричастия с XVII веком. (Э.И.Коротаева, Я.А.Спринчак, А.Н.Стеценко, С.И.Котков, А.А.Припадчев, Т.И.Агафонова и др.).

По мнению ряда авторов, сохранение причастных форм в их исконном облике фиксируется в памятниках, написанных в конце XVII - начале XVIII веков на церковнославянском языке (Т.В.Кортава, О.Л.Рюмина и др.), некоторые ученые относят формирование деепричастия к XVIII веку (З.Д.Попова, Н.Н.Запольская).

От рассмотренных точек зрения на проблему происхождения русского деепричастия отличается мнение, в соответствии с которым можно говорить о более ранних предпосылках образования деепричастия, относя этот процесс к периоду до XII века (Г.А.Хабургаев, Р.Вечерка, К.Мирчев, И.Дуриданов, М.Пешикан и др.).

Причина подобного рода расхождений кроется в отсутствии единых и четких критериев, позволяющих дифференцировать причастные и деепричастные формы в процессе их исторического развития, что отчасти обусловлено невозможностью переноса современных представлений об этих категориях на предшествующие этапы истории русского языка. Сложность их выработки связана и с тем, что должны быть установлены различия, существующие между причастиями современного русского языка и древними причастиями, если иметь в виду, что последние послужили основанием для формирования двух самостоятельных категорий – причастия и деепричастия. Вместе с тем, нельзя не принимать во внимание и того, что «языковые структуры образуют ряды, в которых лишь крайние элементы явным образом отличаются один от другого, но эти элементы связаны

промежуточными элементами, между которыми трудно провести четкие границы» [Гак 1997, 65].

Решение вопроса о времени начала разрушения древнего причастия находится в неразрывной связи с установлением критериев для определения деепричастия как самостоятельной грамматической категории.

В процессе формирования деепричастия выбор *формы* и ее стабилизация оказались теснейшим образом связанными с выражаемым этой формой *значением*, а также той *функцией*, которую данная форма выполняла в контексте. Поэтому при рассмотрении процесса становления деепричастия как самостоятельной грамматической категории необходимо по возможности максимально учитывать все три фактора, определявшие его развитие.

К числу примет, безусловно свидетельствующих о начавшихся изменениях кратких причастных форм, все авторы относят нарушения в согласовании между причастием и существительным. Однако подобные случаи в количественном отношении далеко уступают сохраняющемуся согласованию имени существительного и причастной формы. Вместе с тем есть основания считать такое согласование 'кажущимся', не истинным для большого числа примеров: «...не было периода в истории русской письменности, когда бы не было фактов *если не согласования, то совпадения* кратких форм действительного причастия с подлежащим в роде, падеже и, реже, числе» [Руднев 1959, 43].

Еще одним, более существенным критерием выделения деепричастия в качестве самостоятельной грамматической категории являются синтаксические функции и грамматическое значение рассматриваемых форм. Указание на изменение синтаксических функций именного действительного причастия как причину возникновения деепричастий находим в работах многих ученых, занимавшихся проблемой образования деепричастия как в русском, так и в других славянских языках (А.А.Потебня, Е.А.Истрина, Е.Ф.Карский, А.А.Шахматов и др.; В.Барнет, Р.Ружичка, Р.Вечерка, М.Деянова и др.). Однако и в этом случае вновь приходится констатировать значительное разнообразие мнений относительно исходных синтаксических функций старого причастия и их отражения в деепричастии. Одни ученые отмечают усиление предикативности причастия в процессе формирования деепричастия (А.А.Потебня, Е.С.Истрина, А.А.Шахматов, С.Д.Никифоров, Н.И.Маевская, Л.Е.Лопатина, И.Н.Лекарева, Л.А.Широкова, А.А.Припадчев, Г.А.Хабургаев и др.). В то же время ряд исследователей указывает на ослабление предикативной роли причастия в процессе его перехода в деепричастие (М.Г.Шатух, Л.К.Дмитриева, Я.А.Спринчак, В.Л.Георгиева, Т.И.Агафонова и др.).

Еще одним важным компонентом в определении деепричастия выступает способность к выражению различных обстоятельственных значений. Одни считают, что деепричастие сформировалось благодаря появлению и развитию этого значения (А.Н.Стеценко и др.), другие полагают, что деепричастия унаследовали функцию выражения

обстоятельственных значений от причастий (Б.В.Кунавин, Л.К.Дмитриева и др.).

Между тем уже по отношению к древнейшим славянским памятникам речь может идти о выражении именными образованиями не только значения второстепенного действия, но и обстоятельственных значений, хотя во многих случаях приходится отмечать возможность двоякого толкования.

Таким образом, следует признать обстоятельственные значения, как и предикативные, достаточно древними, присущими формам, давшим начало деепричастию, уже на самых ранних этапах его истории.

Во **2 главе** «Отражение начального этапа формирования деепричастия в древнерусском языке» рассматриваются особенности функционирования именных и местоименных форм причастий в языке «Жития Феодосия Печерского» – оригинального древнерусского памятника XII века в сопоставлении с другими текстами из Успенского сборника, а также деепричастные формы в русских летописях XIV-XV веков.

Формирование новой грамматической категории – деепричастия на ранних этапах заключалось в следующем:

- все более углубляющемся противопоставлении именных и местоименных форм старого причастия;
- утрате краткими формами согласования с именем и превращении их в неизменяемые;
- закреплении за краткими формами специфических синтаксических функций выражения предикативных отношений и обстоятельственных значений.

В памятниках старшего периода истории русского языка нашла отражение развивающаяся между новыми причастиями и деепричастиями грамматическая и синтаксическая дифференциация. На начальных этапах в этом формирующемся противопоставлении оказались задействованными не только формы именительного падежа кратких действительных причастий, но и формы косвенных падежей.

Среди многообразия причастных форм внимание ученых в наибольшей степени привлекали краткие действительные причастия. Их исследованию посвящено большое количество работ, в которых значительное место принадлежит описанию различных синтаксических функций, выполняемых рассматриваемыми образованиями (см., например, работы А.А.Потебни, Е.С.Истриной, В.И.Борковского, С.Д.Никифорова, М.А.Соколовой, П.Я.Черных, Н.И.Маевской, Т.П.Ломтева, К.А.Гомоновой, Е.Л.Голубевой, В.В.Бенке, Б.В.Кунавина и др.).

Сравнительные наблюдения над именными и местоименными формами в Житии Феодосия Печерского (далее – ЖФП) продемонстрировали способность именных форм не только к предикативному, но и атрибутивному употреблению, а также способность местоименных образований к выражению как атрибутивных, так и предикативных

значений, что соответствует представлению о синкретичном характере древнего причастия.

Основной синтаксической функцией полных причастий традиционно считается атрибутивная. Такие случаи широко представлены в ЖФП разными падежными формами. Все они характеризуются согласованием определения с определяемым словом, например: вни же "ко земл" жажющи" воды тако приимаахꙗ словеса его (39г); И сице съ мирьмь предасть въ рꙋцѣ дꙋшю пришедъшимь по нь анꙋгльмь (46в).

Краткие формы действительных причастий представлены в ЖФП особенно разнообразно. Они выступают в различных падежах разных чисел. Подавляющее большинство из них согласовано с именем. Случаи нарушения также имеют место, однако встречаются крайне редко: бѣша же и црꙋкви творѣще праздьникъ въ тѣ дꙋнь (53а); чюдо явльшеся (56 а); таче по сихъ шедъшема има въ црꙋквь. и сътворивъ млꙋтвꙋ сѣдоста. (41а).

Употребление таких форм в качестве определений в ЖФП представлено единичными примерами, ср.: пока"ни е бо есть пꙋть привод" къ црꙋствꙋ. -----пока"ни е есть пꙋть въвод" въ породꙋ (39в); есть бо мала гора надълежащи надъ монастырьмь тѣмь. (55г); и въсѣхъ не бѣ подобьно мѣсто кнꙋжю полю близъ прилѣжащю (60г).

Именные формы, как правило, выступают в предикативной функции, являясь второстепенным, а иногда и основным сказуемым. При этом они часто имеют дополнительные обстоятельственные оттенки значения. Подобные случаи хорошо известны и по другим памятникам и приводятся во многих исследованиях (А.А.Потебня, С.П.Обнорский, В.И.Борковский, Т.П.Ломтев и др.), ср.: Си слышавъ блаженни. начать молити с" (СкБГ, 12а); кѣто ли не съмѣрить с" оногo съмѣрени е вид" и слыша (там же, 12в); ти тако донесъше тѣло его положиша е въ монастыри (ЖФП, 41б); и пригласивъ келарꙋ въпраша его (там же, 51г) и многие другие.

В ЖФП наблюдается параллелизм в предикативном (аппозитивном) употреблении полных и кратких образований, например:

1. Употребление союзов между причастием и глагольным сказуемым:

– краткие формы: мꙋти же его оставл"ше и не вел"щи емꙋ тако творити (28б);

– полные формы: .тѣгда хꙋвъ воинъ ишедъ из домꙋ сво его -----тако скоро текуи и доиде пещеры оно" (35а).

2. Употребление причастий в качестве единственного сказуемого при своем собственном подлежащем (т.н. "именительный самостоятельный"):

– краткие формы: съ любвь имѣ" "ко же рече с# не простꙋ къ оꙋцю нашемꙋ феѡдосию. и часто приход# къ немꙋ и дꙋховьныхъ тѣхъ словесъ насыща" с# ^ н его. (53в);

– полные формы: .И се же паки инъ бол"ринъ того же хꙋлюбьц#/. идьи нѣколи съ кнꙋзъмь своимъ хꙋлюбьцьмь на ратьны" (47в-г).

3. Участие причастия в качестве аппозитивного в составном приложении ("второй именительный"):

– краткие формы: бж^ѡствьныи варлаамъ иг^ѡмень сы братии въ пещерѣ (Збв);

– полные формы: чьрноризьць .павль иг^ѡмень сьи [^]t _единого манастыр# с^ѡщиихъ въ области _его. (59а).

Сходство значений, выражаемых полными и краткими формами, подтверждают случаи использования тех и других в идентичных контекстуальных условиях, ср.: и прочиими тр^ѡды подвиза" с". д^ѡла" по вс" д^ѡни не дада р^ѡкама своима ни ногама поко" (42б) и: И тако пр^ѡбывааше не дадыи себ^ѡ поко" б^ѡд^ѡни _емь. и мл^ѡтвами въс^ѡми ношьными (57б) и др.

Из косвенных падежей высокой степенью предикативности обладали дательный (в обороте дательный самостоятельный) и винительный (в конструкции второй винительный) падежи. В названных позициях в ЖФП, как правило, выступают краткие формы причастия.

Таким образом, в русском языке старшего периода в системе древнего причастия наблюдаются существенные изменения. С одной стороны, уже не представляется возможным говорить о древнем причастии как о единой грамматической категории, поскольку наблюдается развитие специализации его кратких и полных форм, причем их противопоставление проявляется не только в именительном, но и в косвенных падежах, что свидетельствует о роли всей парадигмы в процессе разграничения форм. Местоименные образования, с одной стороны, закрепляются в качестве субстантиватов, а с другой – выполняют роль атрибута и сохраняют способность к согласованию с определяемым именем. Именные формы употребляются преимущественно в предикативной функции и, тяготея к глаголу, утрачивают способность к согласованию. Кроме того, для древнерусского языка характерно и выражение деепричастиями разнообразных обстоятельственных значений (времени, причины, образа действия, цели, условия и др.), диапазон которых уже был достаточно широким и сохранился в современном русском языке.

С другой стороны, в ЖФП еще сохраняются особенности функционирования старого причастия, которые отражают его синкретичность. Об этом свидетельствуют случаи взаимной мены членных и нечленных форм в одинаковых синтаксических позициях как в случаях атрибутивного, так и предикативного их употребления. Однако незначительное количество таких замен указывает на то, что процесс выделения на основе древнего причастия двух самостоятельных грамматических категорий – собственно причастия и деепричастия – существенно продвинулся.

Следующий этап в становлении деепричастия изучался на материале русских летописей XIV-XV веков. В работе было проведено сравнение однотипных в лексическом, грамматическом и структурном отношении контекстов Лаврентьевской летописи (далее – ЛЛ) и Московского летописного свода (далее – МЛС), что дало возможность выявить изменения, происходившие в рассматриваемых формах, и проследить тенденцию к закреплению соотношения 'вид-форма' при их образовании.

В летописях нашли отражение все те направления, по которым происходило развитие дифференциации собственно причастных (полных) форм и деепричастия. Речь идет как о синтаксических особенностях их функционирования, так и о постепенном формальном обособлении. Случаи нарушения согласования становятся здесь более многочисленными, чем в церковно-книжном стиле, а позиции, в которых происходит чередование разных форм, более разнообразными.

В подавляющем большинстве случаев рассматриваемые формы не являются определением, а выступают в функции второстепенного сказуемого, обозначая действие, сопутствующее или предшествующее основному, ср.: се слышавше Торци ꙗко "шас# пробѣгоша и до сего дѣне. и помроша бѣгаючи (ЛЛ, л.55); Из#славъ же приведѣ Всеслава Кыеву. всади и в порубѣ (ЛЛ, л.56 об.); [Стефан епископ] и всѣд на конь, поѣха в борзѣ, и идущи, видѣ зарю велику (МЛС, л.13 об.); Святославъ же сдумавъ с мужи своими посла попа, река (МЛС, л.44); Изяслав...посадники исковавъ приведе (МЛС, л.44).

При этом место, которое деепричастие занимает в предложении, не является случайным. Эта позиция определяется значением, выражаемым разными формами. Так, деепричастия, связанные по происхождению с формами прошедшего времени, в подавляющем большинстве случаев (233 против 30 – по данным сплошной выборки из МЛС) находятся перед сказуемым, выраженным личной формой глагола. Они, как правило, обозначают второстепенное действие, предшествующее основному: и не могъ стерпѣти противу. подъбѣгъ ста подѣ мосто(м) (ЛЛ, л.43); "рослав же заоутра исполчивъ дружину свою противу свѣту перевезес#. и высѣдѣ на брегъ отринуша лодѣ ^ берега (ЛЛ, л.48 об.); Мъстиславъ же здумавъ с Новгородци поиде на Олга (МЛС, л.18 об.); И всѣд на конь поѣха (МЛС, л.20 об.) и др.

Иногда семантика глаголов приводит к обозначению деепричастием прошедшего времени действия, следующего за основным или одновременного с ним: и оумре вставивъ Петра кн#з# сѣна своего. Болгаромъ (ЛЛ, л.10 об.); Онъ же лежавъ спроси: воды, воды пити (МЛС, л.86).

Другое положение занимают деепричастия настоящего времени. Они чаще стоят после сказуемого (115 случаев против 13) и передают значение действия, одновременного с основным, сопутствующего ему: и мы сѣдимъ. плат#че дань родомъ и(х) (ЛЛ, л.7 об.); и тамо стояшетъ, бѣяся и перемагаяся с ними (МЛС, л.35 об.).

Значение второстепенного действия, предшествующего основному, как правило, выражается формами настоящего времени, образованными от основ

СВ, что позволяет говорить о все более возрастающем влиянии вида глагола на грамматическую семантику деепричастия¹.

В летописных текстах еще достаточно разнообразно представлены конструкции, в которых рассматриваемые образования выступают в сказуемой функции, обозначая не только второстепенное, но и основное действие:

1. Два или более однородных сказуемых, одно из которых выражено личной формой глагола, а второе – деепричастием, могут быть соединены сочинительными союзами: Гюрги же остав# сѣна сво~го Глѣба в Городци а сам иде Суждалю (ЛЛ, л.112 об.); глѣсмь въпь~те ко мнѣ. а дѣла неподобна" дѣлаючи (ЛЛ, л.139); видиши ли, не слуша~тъ тебе, а ходя под тво~ю рукою (МЛС, л.20); и не вдашяся имъ Путивльци, но крѣпко бьющяся съ града (МЛС, л.44 об.).

2. В предложении может отсутствовать другое сказуемое, выраженное личной формой глагола: Сим[ъ же] и Хамъ. и Афеть раздѣливше землю жребьи метавше не преступати никому же в жребии братень (ЛЛ, л.2 об.); попове поюще вбычны" пѣсни (ЛЛ, л.54 об.); Изяславъ рад бывъ, и пославъ противу ему мужи свои (МЛС, л.52 об.); они же толико словом суще по них, а дѣлом далече отстояще от нихъ (МЛС, л.104).

Использование деепричастий в подобных синтаксических конструкциях было, по-видимому, близким к исходному состоянию в истории рассматриваемых форм, когда их предикативные возможности реализовывались в наибольшей степени. В этих случаях они максимально приближались по своей функциональной значимости к личным формам глагола, что приводило к возникновению синтаксической синонимии и требовало развития дифференциации. Последняя выразилась в постепенном закреплении деепричастий в функции второстепенного сказуемого, обозначающего дополнительное (второстепенное) действие, предшествующее основному или сопутствующее ему.

Наличие обстоятельственных значений, передаваемых деепричастными оборотами и одиночными деепричастиями, также было одним из способов их обособления, который нашел отражение и в летописях.

Сравнение однородных (в содержательном, лексическом и грамматическом отношениях) конструкций в ЛЛ и МЛС позволило отметить целый ряд изменений, которые касаются возможности использовать в них как личные формы глагола, так и деепричастия. Они говорят о выражении этой категорией слов процессуального значения, а также свидетельствуют о тенденции к их формальной стабилизации. Эти изменения можно условно разделить на 3 типа:

---

¹ Говоря о славянской категории вида, мы придерживаемся гипотезы о возникновении этой категории в поздний праславянский период, которая нашла отражение в работах Ю.С.Маслова, А.Достала и др.

1) вместо деепричастия употреблена личная форма глагола, например: С^втополкъ посла Пут#ту воеводу сво~го. Пут#та же с вои пришедь к Лучьску. (ЛЛ, л.91 об.) – Святополкъ же посла Путята, во~воду сво~го. Путята же приде с вои к Лучьску (МЛС, л.25); и прибѣгше к Волзѣ въ рчаны. и ту абь~ впровергоша рчаны (ЛЛ, л.132) – они же прибѣгоша къ вучаном и начаша метатися в них (МЛС, л.110 об.); а копыи с# не снимали. а дружини вжидаючи (ЛЛ, л.134 об.) – и копыи снимашяся, ожидаху бо Половци дружины сво~а (МЛС, л.112);

2) личная форма глагола заменена деепричастием, например: похаша по дорозѣ. и срѣтоша и паки. и ступишас# с ними битъ (ЛЛ, л.122 об.) – и поидоша по дорозѣ ихъ и стрѣтшеся с ними начаша битися (МЛС, л.100); а са(м) иде в Половци. и устрѣте и Бон#къ. (ЛЛ, л.91) – Давыд же Ростиславич ида в Половци срѣтися с Боняком (МЛС, л.24 об.); шедше вси клан#хус# игумену и мол#ху игумена и приимаху брата в манастирь с радостью (ЛЛ, л.63 об.) – вси шедше поклоняхуся за нь игумену и моляще ~го, и тако с радостью при~млюще брата в манастирь (МЛС, л.6 об.).

Изменения при использовании личных форм глагола и деепричастий носили взаимный характер. Особенно наглядно это демонстрируют случаи обоюдной мены в пределах одного контекста: и ид#ста видуче зарю велику (ЛЛ, л.70 об.) – и идуци, видѣ зарю велику (МЛС, л.13 об.); приде в землю Болгарьскую. и высѣдѣ на берегъ поиде к Великому городу (ЛЛ, л.131 об.) – И пришед в землю Болгарьскую высѣде из насад на брег и поиде к Великому городу (МЛС, л.110).

3) одна форма деепричастия уступила место другой, например: Из#слав же совокуп# воѣ перебродис# чересь Днѣпръ (ЛЛ, л.105) – и совокупивъ вои своих множество поиде и перебродися чрес Днѣпръ (МЛС, л.48); Кн#зь же великыи внида в волость их поима города В#тъскыѣ (ЛЛ, л.140) – Князь же великии Всеволод вшед в землю их поима города Вятчски~ (МЛС, л.120 об.); а Дв^вдвичъ Из#славъ возма брата на полчищѣ и несе и Чернигову (ЛЛ, л.111 об.) – А Давыдович Изяславъ взем брата своего на польчищи и несе к Чернигову (МЛС, л.64 об.);

Выявленные случаи взаимозаменяемости деепричастных форм отражают тенденцию к установлению зависимости образования той или иной формы от вида производящего глагола. В МЛС, по сравнению с ЛЛ, от глаголов несовершенного вида преобладают деепричастия настоящего времени и, наоборот, от глаголов совершенного вида – деепричастия прошедшего времени.

Сравнение деепричастных форм в ЛЛ и МЛС позволяет отметить, что в конце XV в. для глаголов НВ сохраняются разные возможности образования деепричастий. При этом ведущим фактором, оказывающим влияние на выбор формы настоящего или прошедшего времени, оказывается не столько вид производящего глагола, сколько необходимость выразить временные соотношения между основным и второстепенным действиями. Осуществлялась семантическая дифференциация форм настоящего и

прошедшего времени, когда первая обозначала второстепенное действие, одновременное с основным, сопутствующее ему, а вторая – действие, предшествующее основному, ср.: се слышавъ Двѣдъ иде в Л#хы. к Володиславу. ища помощи (ЛЛ, л.90 об.) и: и посла искать брата сво~го. искавъше ~го не вбрѣтоша (ЛЛ, л.23 об.); нѣкий князь прииде из заморья.., и сѣде.., княжачи (МЛС, л.35) и: Преставися великий князь.., княжив лѣт 13 (МЛС, л.32 об.); Они же стояще велику пакость створиша (МЛС, л.82) и: Глѣбъ же стоавъ до полуутра воротися опять (МЛС, л.50);

Форма прошедшего времени могла сопровождаться указанием на длительность совершения второстепенного действия: А сынъ ~го... прибѣже... из Новагорода.., сѣдѣвъ лѣто и 4 мѣсяци (МЛС, л.39 об.).

Синонимические отношения в деепричастиях от глаголов СВ складывались иначе, чем в НВ. Во-первых, таких синонимов значительно меньше. Во-вторых, в них не отражаются семантические отличия. Формы настоящего и прошедшего времени в равной степени обозначают предшествование второстепенного действия основному: сам же Изяславъ исполча полки сво~ иде къ Ки~ву (МЛС, л.59) и: Утрѣи же порано король, ударя в бубны и исполчивъ полки сво~, поиде (МЛС, л.66); Иванко же возматяжкы рѣчи иде ко князю (МЛС, л.80) и: Изяславъ... взем благословлени~ и поиде (МЛС, л.43 об.).

Обнаружившиеся уже в древнерусских памятниках различия между синонимичными образованиями в пределах глаголов совершенного и несовершенного вида проявлялись и в дальнейшей их истории и были обусловлены спецификой видовых значений.

Материал памятников, относящихся к древнерусскому периоду, позволяет сделать следующие выводы:

1. В более традиционных книжных текстах прослеживается развитие противопоставленности полных и кратких форм действительных причастий, которое еще сопровождается известным параллелизмом в их употреблении, хотя направления дифференциации проявляются достаточно определенно.

2. В текстах летописного стиля процесс обособления кратких форм продвинулся в значительной степени, по сравнению с более консервативными в языковом отношении книжными текстами.

3. На смену противопоставления разных временных форм старого причастия приходит видовое противопоставление форм новой категории – деепричастия.

4. Основным грамматическим значением деепричастия в древнерусском языке является предикативное значение (как основного, так и дополнительного действия), сопровождающееся обстоятельственными характеристиками действия.

5. В синтаксическом функционировании деепричастия все еще сохраняются черты, присущие исходной системе (роль самостоятельного или однородного сказуемого), однако более отчетливо представлена функция

второстепенного сказуемого; разнообразны обстоятельственные значения, которые способно выразить деепричастие.

6. Процесс формального становления деепричастия находится в самом начале – происходит выбор наиболее частотных и немаркированных в грамматическом отношении форм.

Таким образом, в древнерусском языке произошли существенные изменения в структуре причастных образований. Если в начале периода они еще сохраняли следы былого грамматического синкретизма, то к его концу противопоставление именных и местоименных образований свидетельствует о последовательном движении в направлении формирования деепричастий как самостоятельной грамматической категории.

В 3 главе «Формально-грамматические особенности деепричастий в старорусском языке (XV-XVII веков)» рассматривается специфика образования и функционирования деепричастий в период Московского государства. Этот этап в истории причастных образований в наибольшей степени привлекал внимание исследователей, большинство из которых относит формирование деепричастия к XVII веку.

XV-XVII века были временем дальнейшего становления деепричастий. Стабилизация рассматриваемых образований происходила как на формальном, так и на синтаксическом уровне. Формы деепричастия представлены по-разному в памятниках различной жанрово-стилистической принадлежности. Наиболее динамичными были их изменения, отразившиеся в текстах исторического содержания, к которым можно отнести летописи, путевые записи, документы дипломатического характера, сочинения с элементами публицистики и отдельные произведения повествовательного жанра.

В старорусском языке реализуются все возможности образования деепричастий, унаследованные ими от исходных причастных форм. Возможность произвести от одного и того же глагола деепричастия с разными аффиксами привела к появлению широкого круга синонимичных форм, в том числе и одноосновных синонимов. Специализация формальных показателей, которые обнаруживали все более отчетливую зависимость от вида производящего глагола, последовательно проявляется в памятниках XV-XVII веков. Вместе с тем в них сохраняется и синонимия разноаффиксных образований.

Типовым для деепричастий СВ было значение второстепенного действия, предшествующего основному, которое могло выражаться формами с различными суффиксами: *-а*, *-в*, *-вши*, *-ши* и нулевым. Выявленные в текстах синонимичные образования употреблялись в идентичных контекстуальных условиях и не были противопоставлены ни по значению, ни стилистически, что позволяет говорить об их тождественности на протяжении всего периода: *И проводя до карабля, поехал х королевне в Лунду* (Пут.рус.послов, с.205) и: *А проводив до того села, поехали назад в город, в Лунду* (там же, с.142); *А сам царь немного побыл и, устроя город, пошел к*

Москве (ПЛ, л.568 об.) и: *да, устроивши город, да и пришел на Опочку по-здорову* (там же, л.496 об.); *Пашков же, возвед очи свои на меня., вздохня, говорит* (Авв., с.106) и: *да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю* (там же, с.64) и др.

Суффиксы *-а* и *-в* были наиболее частотными. Первый использовался, как правило, при образовании деепричастий от глаголов II спряжения (*укрепить-укрепя, поговорить-поговоря, ударить-ударя*), причем число таких форм к концу рассматриваемого периода постепенно нарастало. В других случаях в образовании деепричастий участвовал суффикс *-в*, который был предпочтительным и для возвратных глаголов: *собрався, обратився, пробудився, россмеявся, исповедався* и под. В то же время следует отметить слабую активность суффикса *-вши*, который присоединялся к основам на гласный.

Фонетическими особенностями структуры производящих глаголов СВ обусловлены деепричастные формы с суффиксами *-ши* и нулевым (*привезши, пронесши, вышедши, седши; пад, прочет, ушед* и др.). Формы с нулевым суффиксом единичны и явно носят архаический характер. Они преобладают в летописных текстах, что может быть объяснено их жанром, продолжающим традиции древнерусского летописания.

Для деепричастий НВ типовым было значение второстепенного действия, сопутствующего основному. Самую многочисленную группу на протяжении всего периода составляли деепричастия с суффиксом *-а*: *И государь царь, не хотя крови лити, немец пожаловал* (ПЛ, л.590); *и не приставая к берегу, карабли под Варгавом прошли мимо* (Пут.рус.послов, с.103).

Вторая по количеству группа представлена формами на *-учи/-ачи*, которые свободно образовывались от глаголов, различных как по семантике, так и по характеру основы, оказываясь предпочтительными для основ на твердый согласный (*берегучи, ркучи, идучи* и под.): *Восплакася царь, на них смотрючи* (Пов. о Дм.Басарге, с.573); *И королевна Федора и Неудачю учала отпускати, а отпускаючи, говорила Федору* (Пут.рус.послов, с.142); *И сошлись великого князя воеводы во едино места., да пошли к немецкому рубежу, жгучи и воюючи, и секучи, и в плен емлючи* (ПЛ, л.490 об.-491).

О близости между деепричастиями на *-а* и *-учи/-ачи* красноречиво говорят контекстуальные условия употребления одноосновных синонимичных форм типа *стоя-стоячи, ведая-ведаючи, надеяся-надеючися, прося-просячи* и под.: *А сидячи за столом, королевнины советники пили чашу до Федора да до Неудачи про государево здоровье* (Пут.рус.послов, с.124) и: *И за столом сидя, королевна пила чашу про государево здоровье* (там же, с.138).

Среди деепричастий от глаголов НВ зафиксированы также формы на *-в*, *-вши*, *-ши*, которые, в отличие от форм на *-а*, *-учи*, могли передавать значение завершенности, результативности второстепенного действия, его предшествования основному: *То, господине, и яз ведаю – так у вашего*

государя ведетца, и мы, господине, про то, ехав скажем Маамет-наше (Пут.рус.послов, с.93) и: и нужи нам, едучи Аглинскою землю, не было некоторые (там же, с.108); И я, плакався пред владыкою, опять постом стягну (Авв., с.146) и: часа с три плачючи у берега стояли (там же, с.67).

Выражению значения завершенности действия способствовало также наличие в контексте временных ограничителей, известное еще в древнерусский период: *вси людие.., жены и дети, постившеся с 14 числа да до 19 числа.., хождаху по церквамъ* (Иное сказ., л.354 об.).

Однако для большинства форм на -в или -вши от глаголов НВ отсутствовали какие бы то ни было отличия от форм с суффиксами -а, -учи. Наличие деепричастий, в которых форма вступала в противоречие с видовой характеристикой производящего глагола, поддерживалось в течение довольно длительного периода целым рядом факторов. Одним из них были фонетические особенности глагольной основы. Использование названных суффиксов часто происходило у глаголов с чередованием звуков в основах настоящего и прошедшего времени (*бить, жить, ехать, писать, петь* и под.).

Немаловажную роль в сохранении форм на -в играли устойчивые сочетания типа *быв челом, быв у руки, пив чашу про здоровье* и др.

Стилистически маркированными были формы на -е, что проявлялось в большем тяготении этого показателя к суффиксу в старославянской огласовке (-уще/-аще): *да единаго бога в тройце и тройцу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо...* (Авв., с.69); а также формы, восходящие к архаическим причастным образованиям: *и преблагая душа от сего света к богу отошла, оставль земное царство, отъиде в вечное блаженство, в небесное царство* (Пут.рус.послов, с.192).

В области синтаксического употребления деепричастий также происходил ряд изменений. Прежде всего следует отметить сохраняющиеся следы древнерусского состояния, когда разнообразно была представлена предикативная функция рассматриваемых образований, в рамках которой они могли обозначать не только второстепенное, но и основное действие:

- в случаях союзной связи между глагольным сказуемым и деепричастием: *и тут мужики его ограбя и в воду посадили* (ПЛ, л.570 об.); *И вниде в храмину и зря видение чудно* (Пов. ПФ, л.138 об.);
- употребление деепричастия при самостоятельном субъекте действия: *И царь налив чашу златую меду.* (Пов. о Дм.Басарге, с.571); *пред нею же скача заец* (Пов. ПФ, л.138 об.);
- при включении подлежащего в состав деепричастного оборота: *Послушав отец сына своего и поиде на корабль свой* (Пов. о Дм.Басарге, с.575); *И ходив королевна около своего двора и вошла в церковь* (Пут.рус.послов, с.183); *А назад я едучи, спрашивал про него* (Авв., с.150).

Однако в процессе становления деепричастий все более отчетливым становится закрепление за ними значения второстепенного действия, а также

сопутствующих ему обстоятельственных значений (времени, причины, образа действия, условия и др.).

Свидетельством большой степени самостоятельности деепричастий является их способность к семантическому словообразованию: *А поклон правил стоя, а не на коленках* (Пут.рус.послов, с.78); *И оттуду пошел молодец на чюжу сторону и учал он жити умеючи* (Пов. о Горе-Зл., с.11); *Токмо бы, хотя втай, держал старое предание отеческое* (Авв., с.126); *По своему обиходу смотря и по промыслу... так и покупать, и запасать, коли чево много и дешево* (Домострой, 40).

Обобщая картину развития деепричастных форм в старорусском языке, можно отметить следующие наиболее общие особенности этого процесса.

1. Несмотря на то, что при образовании деепричастий продолжает сохраняться значительное разнообразие форм, отражающее их связи с разными источниками, их количественное соотношение позволяет говорить о достаточно отчетливо проявляющейся тенденции к закреплению соотношения «вид – форма», в соответствии с которой образования СВ используют суффиксы, восходящие к причастиям прошедшего времени, тогда как деепричастия НВ образуются с помощью суффиксов, связанных с причастиями настоящего времени. В то же время в сфере глаголов СВ II спряжения в какой-то степени наблюдается возврат к исходному состоянию: если в XIV-XV веках от подобных глаголов деепричастия на *-в/-више* зафиксированы чаще, чем на *-а*, то к XVII веку ситуация становится противоположной – формы на *-а* чаще, чем на *-в/-виши*, причем количество образований на *-виши* также сокращается как для невозвратных, так и для возвратных глаголов.

2. Сохранение синонимичных образований, не укладывающихся в соотношение «вид – форма», оказывается связанным с причинами разного характера: фонетическими свойствами глагольной основы, лексико-фразеологическими особенностями конструкций, семантической и стилистической дифференциацией форм и др.

3. Синтаксические особенности функционирования деепричастий демонстрируют дальнейшую специализацию этой грамматической категории, развивающуюся в двух основных направлениях: в развитии их предикативных возможностей, которые выразились в обозначении второстепенного действия, сопутствующего основному или предшествующего ему, а также в обозначении различных обстоятельственных характеристик протекания основного действия.

4. Формальные особенности и синтаксические функции рассматриваемых образований в значительной мере зависели от жанрово-стилистической приуроченности текстов. Так, в памятниках, продолжающих традиции древнерусской письменности (летописях и произведениях повествовательного жанра), в большей степени сохраняются архаические черты, проявляющиеся как в формах деепричастий, так и в их синтаксическом употреблении, тогда как в жанрах, близких к живому

русскому языку, которые можно условно назвать «историко-публицистическими», и в деловых текстах наиболее ярко представлены изменения, отражающие динамику изучаемых форм.

5. Наблюдаются случаи семантического словообразования, связанные с превращением деепричастий в наречия, предлоги и союзы.

4 глава «Деепричастия в русском литературном языке XVIII века» посвящена рассмотрению деепричастных форм на одном из важнейших этапов в истории русского языка. На протяжении XVIII столетия языковая ситуация не была однородной, в связи с чем развитие форм представлено отдельно для первой и второй половины века.

В первой трети XVIII века в группе деепричастий СВ зафиксированы два основных типа форм – с суффиксами *-в* (*приняв, написав, развив*) и *-а* (*устава, высмотря, отслужа*), причем последние были образованы, как правило, от глаголов II спряжения, что явилось продолжением тенденций развития рассматриваемых форм в старорусский период, когда происходило их нарастание. На первую трет XVIII века приходится своеобразный пик деепричастий на *-а*. Вместе с тем контекстуальные условия функционирования синонимичных образований на *-а* и *-в*, которые обозначали второстепенное действие, предшествующее основному, дают возможность говорить об их равнозначности, например: *Дворяня, накупив пустошей, да в наймы отдают* (Посошков, л.7 об.) и: *А буде кто, накупя скота, погонит, не запятнав* (там же, л.219) и др.

Дальнейшие изменения происходят в языке середины столетия (М.В.Ломоносов, В.К.Тредиаковский, А.П.Сумароков и др.). Синонимия, имевшая место в первой трети столетия, заменяется б'ольшим единообразием в оформлении деепричастий – формой с суффиксом *-в*, которая соответствует современной норме (*похитив, вступив, призвав, воздохнув*), хотя отличий в сохраняющихся синонимичных образованиях не наблюдается, ср.: *Пристав к берегам Малой Азии, российский князь воевал Вифинию, Пафлагонию...* (Ломоносов, VI-226) и: *Осколд и Дир, приставши к берегам греческим в двухстах судов и разорив окрестные места многим убийством, обступили город...* (там же, 219); *...за тысячу двести лет засвидетельствовал Иорнанд, оставив известие, что...* (там же, 176) и: *Новгородцы, зная, что сие имя русь ни им, ни варягам не собственное.., сами назвались оным, оставя свое прежнее* (там же, 37). Контекстуальные условия использования деепричастий с суффиксом *-вши* позволяют говорить об отсутствии ограничений в их употреблении. Они были возможны в прозе и в поэтической речи, в баснях и в трагедии.

Изменения коснулись и деепричастий, образованных от возвратных глаголов СВ. В этом случае синонимия сначала также была представлена тремя типами образований: 1) на *-а(сь)* (*уведомясь, согласясь, случась*), 2) *-в(ся)* (*собрався, дождався, напився*), 3) *-вши(сь)* (*родившись, съехавшись, взобравшись*). Противопоставление первой группы остальным, как и для невозвратных форм, было связано с формально-грамматическими

особенностями производящих глаголов – их отнесенностью ко II спряжению. Другую значительную группу возвратных образований составляли формы с суффиксом *-в(ся)*. Однако к середине столетия их количество заметно сокращается. М.В.Ломоносов в «Российской грамматике» для возвратных глаголов указывает только одну форму деепричастия прошедшего времени: «Двигавшись, двинувшись», форм на *-в(ся)* в его сочинениях не обнаружено. Деепричастия на *-вши(сь)* (*ослепившись, раздражившись, коснувшись*) являются основными у В.К.Третьяковского и других авторов середины XVIII века.

Все названные формы не отличались друг друга, о чем говорят контекстуальные условия их употребления: *...ополчась станом при андрианопольских стенах, ожидали к сражению случая* (Ломоносов, VI-241) и: *Ополчившись на Грецию, получил от царя греческого Алексея Комнина все украшения царского сана* (там же, VI-303); *...когда малый, узкий, и мелкий наш поток, наполнился посторонними струями, возрастет в превеликую, пространную и глубокую реку...* (Третьяковский, I-260) и: *...распалившись ктому же и собственною своею горячестью, и наполнившись увещающих словами, исходят они бодро на средину* (там же, III-614) и др.

Таким образом, для возвратных форм можно говорить об увеличении числа образований с суффиксом *-вши*, с одной стороны, и о продолжающейся их конкуренции с суффиксом *-а* – с другой.

В группе деепричастий НВ их образование также характеризуется наличием синонимии, хотя отношения между синонимичными формами складываются несколько иначе, чем в СВ. Прежде всего следует отметить отсутствие различий между образованиями от возвратных и невозвратных глаголов. Преобладающими, причем в значительной степени, являются деепричастия с суффиксом *-а* (*внемля, лияся, ездя, глаголя, ходя, ответственя*). Кроме этого, на протяжении первой половины XVIII века были представлены менее частотные образования с суффиксами *-учи/-ачи* (*живучи, пишучи, едучи, сидячи*), *-уще/-аще* (*живуще, приносяще*), *-в* (*держав, бив, знав*), *-вши* (*воевавши, плутовавши, ходивши*). Формы с этими суффиксами были возможны и у возвратных глаголов (*пенючись, надеючися, витався, бившись*). Иногда от одного глагола образовывались разноаффиксные деепричастия (*зная-знав-знавши, пиша-пишучи-писав* и др.).

В XVIII веке наблюдается более последовательная реализация возможности образования деепричастных форм, чем это имеет место в современном русском литературном языке. Речь идет об образованиях типа *пиша, бежа, сладя* ('сладкий'), *лия, бия, вияся, поя* (от *петь*), *бдя, мня, прясь* и др.: *...как основательно Сенека, пиша об утешении к Албину, примечает* (Третьяковский, III-371); *Добродетельный Писец, / Стих поя безвинно, / Сердца не вредит, сладя словом чувства чинно...* (там же, I-77). Подобные деепричастия были возможны на протяжении всего столетия, однако их образование от глаголов с чередованиями в основе, по-видимому, вызывало известные затруднения, попытки преодолеть которые выражались в

использовании синонимичных форм с иными суффиксами: *писать* – *пиша* – *пишучи* – *писав*, *бить* – *бия* – *биючи* – *бив*, *петь* – *поя* – *пев(ши)*, *искать* – *ища* – *ищуци* – *искав* и под.

Вторую группу по количеству образований составляют формы с суффиксом *-учи* (*идучи*, *едучи*, *бегучи*, *живучи*, *копаючи*, *ведаючи*, *возвращаючись* и др.). Они встречаются во всех стилях и жанрах русского языка XVIII века, причем в деловых текстах их гораздо меньше, чем можно было ожидать, принимая во внимание их разговорно-просторечный характер, о котором пишут многие исследователи. Значительно активнее, чем в деловом языке, они употребляются в научной, публицистической литературе и даже в поэтической речи начала и середины XVIII века (у И.Т.Посошкова, В.Н.Татищева, М.В.Ломоносова и др.).

Об отсутствии стилистической маркированности форм на *-учи* и их равнозначности с деепричастиями других типов на этом этапе развития свидетельствует следующее:

- образования с разными суффиксами (*-учи* и *-а*) могут выступать в близких контекстуальных условиях, что прослеживается в текстах как одного, так и разных авторов: *и с раскольниками бы, никакова разглагольства не знаючи, не разговаривали* (Посошков, л.22) и: *и, зная их ереси, могли бы мы от них остеречи себя* (там же, л.16); *Знайтесь с дружными людьми, / живучи правдиво* (Тредиаковский, I – 78) и: *То природе грубой следовали все вобрез, / И живя в пустынях, бегали по пищу в лес* (там же, I – 79);

- вопреки рекомендациям, сформулированным М.В.Ломоносовым и ограничивающим образование деепричастий на *-учи* сферой низкого стиля, наибольшее количество и значительное разнообразие глаголов, от которых они образуются, отражено в поэтической речи (*бьучись*, *трясучись*, *пенючись*, *вздыхаючи*, *ударяючи*, *играючи*, *распростираючи* и др.), например: *Я стыд девической в тебе весьма хвалю, / И что вздыхаючи ты брата ожидаешь* (Ломоносов, 320); *Вы, ударяючи во бреги тучны / И проходя поля свои, / Лукуйте, светло веселитесь* (там же, с.135); *А Боги потели с трудов / бьучись на полях Палленейских* (Тредиаковский, I – 434);

- высокая степень употребительности форм на *-учи* свойственна сочинениям, относящимся к высокому и среднему стилям, и в меньшей степени – к низкому (например, басням).

Отсутствие стилистической противопоставленности форм на *-учи* образованиям на *-а* наряду с их специализацией в качестве обстоятельства образа действия могли стать причиной их постепенной утраты. Вместе с тем, сохранению этих образований на протяжении всего столетия способствовали фонетические факторы: деепричастия образовывались с помощью суффикса *-учи* в тех случаях, когда было необходимо максимально сохранить единство основы или избежать нежелательного сочетания звуков: *могучи* вместо *мога*, *могя*; *бьучись* вместо *биясь*, *бьясь*; *бегучи* вместо *бежа* и под.

Отношения иного рода складывались между формами НВ с суффиксами *-а* и *-в*, которые длительно сохраняли оттенки временного значения в своей семантике. И в XVIII веке формы на *-в* могли передавать значение второстепенного действия, предшествовавшего основному, при этом оно, как правило, представлялось завершённым ко времени осуществления основного, например: *Быти тунядцом не делав и не делая ни малейшия роду человеческому услуги* (Сумароков, 10-127); *...не так допрашивать как семо написано, но смотрим по делу и по случаю и на самое дело зря, а не наизусть, ибо, дела не видеv, не можно о всем в полностью написать* (Посошков, л.65 об.); *А если которые спились, смотались или, быв, ничего полезного не научились, то можно о них так разуметь, чтоб дома будучи, столько ж плода принесли* (Татищев, с.111).

Часто в деепричастных оборотах содержались и специальные временные указатели (*прежде, целый день, год* и под.), ограничивающие второстепенное действие указанным пределом: *Не можешь ли еще терпеть, терпевши год?* (Тредиаковский, I-585).

Однако возможности подобной дифференциации разноаффиксных форм к середине XVIII века были исчерпаны, так как завершенность действия гораздо отчетливее выражалась префиксальными производными СВ от соответствующих глаголов, поэтому деепричастия с разными аффиксами выступали как абсолютные синонимы, ср.: *И слыша, что они... вовсе Орду его разоряют, поспешно для ея избавления возвратился* (Ломоносов, VI-320) и: *Роман, сие слышав, послал к Игорю с дарами и с прошением* (там же, 227); *...новейшии Греки, хотя изгласить литеру (б) пишут ея по своему через (мн)* (Тредиаковский, III-353) и: *...снабдил Общество Ученое четвертою Эпопиею, хотев его просветить и усладить токмо своего Ученика* (там же, II-XVII).

Устранение синонимии такого типа соответствовало общей тенденции развития деепричастных форм, в рамках которой все отчетливее проявлялась закреплённость соотношения 'вид – форма'.

Как видим, для деепричастий НВ также было характерно стремление к выработке единой нормы в процессе конкуренции целого ряда синонимичных образований. Сохранение синонимии поддерживалось разными причинами: фонетическими, семантическими, стилистическими и др.

Таким образом, грамматическая синонимия деепричастных форм в первой половине XVIII века продолжает развиваться, причем отношения между синонимичными образованиями складываются по-разному в зависимости от вида производящего глагола:

- для СВ можно говорить о формально-грамматической обусловленности выбора того или иного аффикса при отсутствии стилистических и семантических различий между разными формами;

- деепричастия НВ отличаются значительным разнообразием, при этом иногда выявляются следы былых отношений, связанные с генезисом тех или иных форм, что находит отражение:

- в семантико-грамматической противопоставленности синонимичных образований (завершенность второстепенного действия – его одновременность с основным);

- в стилистической дифференциации форм (с суффиксами *-учи* – *-ущи*);

- в ряде случаев сохранение синонимов поддерживается фонетическими, аналогическими и другими причинами, которые носят нерегулярный характер, что позволяет рассматривать их как затухающие.

Изменения деепричастных форм на протяжении всего XVIII века были постоянными и носили преемственный характер, поэтому тенденции, намечившиеся в первой половине столетия, получили продолжение.

В группе деепричастий СВ продолжает сохраняться синонимия разноаффиксных образований на *-в/-вши* и *-а* (как для возвратных, так и для невозвратных глаголов), при которой формы на *-а* связаны с глаголами II спряжения, но те и другие тождественны в стилистическом отношении, что проявляется как в прозе, так и в поэзии, ср.:

Он и Лутовиновы, наговоря друг другу обидных и бранных слов, разгорячились (Державин, VI-436) и: *при самой подаче письма, наговорив множество грубостей, выслал его от себя* (там же, VI-511); *Учитель наш вздурился, сие увидев. Сперва уговаривал он нас ласкою и убеждал резонами: но увидя, что мы только пуще смеялись, принялся за насильные средства* (Болотов, I-183).

В то же время у некоторых авторов, например у А.В.Суворова, увеличивается число деепричастий на *-вши*, особенно среди форм, образованных от глаголов I спряжения: *запечатавши, потерявши, оскудевши, подумавши* и др. Возвратные глаголы II спряжения оказываются более устойчивыми в сохранении форм с суффиксом *-а(сь)*, что находит отражение у разных авторов (Г.Р.Державин, А.Болотов, А.В.Суворов, Н.М.Карамзин и др.). Суффикс *-в(ся)* полностью утрачивает свои позиции среди возвратных форм, уступив место суффиксу *-вши(сь)*.

В конце XVIII века от глаголов СВ встречаются отдельные формы на *-учи*, которые выступают уже в качестве наречий. Именно они, подвергаясь адвербиализации, впоследствии перестали существовать как деепричастия, ср.:

Едва успели офицеры запыхаючись прибежать к роте (Державин, VI-417); *Я пишу из Москвы, куда я украдуци из Валдая приехал для окончания дела* (там же, V-541).

Среди деепричастий НВ по-прежнему основную группу составляют формы с суффиксом *-а*: *Частая сеча меча, / Сильна мосуца плеча, / Стали о плиты стуча, / Ночью блеща, как свеча, / Эхо за эхами мча, / Гулы сугубит, звуча* (Державин, с.266).

Во второй половине столетия сохраняют свою активность и деепричастия НВ на *-учи*. Они есть и в поэтических сочинениях (М.М.Херасков, Г.Р.Державин и др.), где стилистически нейтральны, о чем говорит возможность их образования от глаголов “высокой” семантики (*взирать, зарождать, побеждать, возглашать, блистать* и др.). Использование этих форм давало возможность сохранить ритмическое строение строки и стихотворный размер, ср.: *Куда ни убегай, во след тебе пойду; / Рыдаючи к ногам Фалестриным паду* (Херасков, 4-243), но: *Князь руки у нее рыдая целовал, / И вместе ехать в путь княжну увещевал* (там же, 4-256).

Близость форм на *-а* и *-учи* прослеживается и в языке других авторов этого периода: *...я не мог устать, читая сию книгу* (Болотов, 1-294) и: *Я не мог устать ее читаючи и прочел ее раза три на досуге* (там же, 1-213).

Несмотря на наличие отдельных форм на *-ачи*, применительно к XVIII веку можно говорить о закреплении в качестве единого форманта деепричастий суффикса *-учи*, который назван в «Российской грамматике» М.В.Ломоносова: *видеть – видючи, лежать – лежучи, помнить – помнючи, сидеть – сидючи, бояться – боючись* и др.

От глаголов НВ продолжают использоваться и деепричастия на *-в* (*бив, имев, знав, писав, ожидав* и под.). Однако для второй половины столетия уже не всегда можно говорить о семантико-грамматической мотивированности таких форм, хотя отголоски былых отношений в той или иной степени проявляются и в конце века. В подобных случаях чаще действуют причины фонетического характера: деепричастия на *-в*, как и формы на *-учи*, образуются от глаголов, имеющих чередования в основах инфинитива и настоящего времени: *писать, искать, ждать, вязать, ехать, скакать* и некоторых других. В современном русском языке для большинства из таких глаголов образование деепричастий признается затруднительным или даже невозможным, ср.: *Державин, писав просто на крестьянский вкус, чрезвычайно им тем угодил* (Державин, VI-414); *...прожил он в Петербурге еще несколько, искав занять валовую сумму до 18 тысяч рублей* (там же, VI-537); *...вступили в разговор, в который иногда с великою скромностью вмешивалась и красавица, вязав чулок* (там же, VI-524).

На протяжении всего XVIII века наблюдается вариативность и при образовании деепричастий от глаголов с основой на согласный, однако состав синонимичных форм меняется ко второй половине столетия, возможности их образования реализуются по-разному в зависимости от характера производящей основы.

От основ на *-т-*, *-д-* синонимия представлена максимальным количеством возможных форм: это деепричастия с нулевым суффиксом (*привед, пад, почет*), суффиксами *-ши* (*забрeдши, седши, приобретши*), *-в* (*сьев, сев*), *-вши* (*покравши*), *-а* (*переведа, прочтя, цветя*), *-учи* (*крадучи*). Синонимы выступают как в прозе, так и в поэтической речи, не проявляя при этом заметной стилистической окраски. С середины XVIII века происходит

нарастание числа форм на *-а*, ставших впоследствии нормативными для большинства глаголов этого типа. Исключение составляют глаголы *есть*, *сесть*, *красть*, *пасть* и их производные, для которых закрепляются деепричастия с суффиксом *-в*, отмеченные с первой половины столетия.

Для глагола *идти* на протяжении всего столетия предпочтительной оказывается форма деепричастия, образованная от основы *ид-* с помощью суффикса *-учи*, тогда как форма на *-а* представлена в нашем материале единичными случаями, например: ...*идучи* из Орды, *преставился на дороге* (Ломоносов, VI-309); *Исчислили же знатнейшия реки, идя с Востока по Югу к Западу* (Третьяковский, III-493).

Использовались и деепричастия от основы *шед-*, ср.: *Державин, шедши к Государыне...*, *зашел к ея фавориту* (Державин, VI-611); *Вчера, идучи мимо того дома, где живет Гете, видел я его* (Карамзин, ПРП, с.124) и: *Шедши от хижин по отлогому скату, начали мы спускаться с горы* (там же, с.200);

Для префиксальных производных от глагола *идти* сохраняется преобладание деепричастий от основы *-шед-* с нулевым суффиксом по сравнению с суффиксом *-ши*, хотя их соотношение изменилось в сторону увеличения доли последних. Если для старорусского языка оно выглядело как 12:1, то в XVIII веке – как 5:1.

Во второй половине столетия (в частности, в сочинениях Г.Р.Державина) отмечены пока еще единичные случаи деепричастий на *-я* (*зайдя*, *найдя*, *подойдя*), которые были равнозначны другим образованиям (*вошед*, *пришед*, *вышедши*, *ушедши*).

Для глаголов с основой на *-с-*, *-з-* можно отметить более строгую ситуацию: преобладание форм на *-ши* (*внесши*, *произнесши*, *довезши*) в первой половине периода и, начиная с середины века, постепенное увеличение количества форм на *-а* (*везя*, *превознеся*, *принеся*, *приползя*).

Таким образом, для глаголов с основами на согласный можно говорить о динамике деепричастных форм на протяжении XVIII века – с одной стороны, а с другой – о своеобразном возврате к образованиям, некогда существовавшим в древнерусском языке.

В области синтаксического функционирования деепричастий изменения в XVIII веке были особенно ощутимыми. Прежде всего следует отметить практически повсеместный отказ от использования рассматриваемых образований в качестве самостоятельного сказуемого, хотя некоторые следы раннего состояния можно было изредка наблюдать и в нашем материале. К ним можно отнести следующие случаи:

- употребление деепричастных форм в главном предложении при отсутствии в нем спрягаемых форм глагола;
- несовпадение субъектов основного и второстепенного действия;
- соединение личной формы глагола и деепричастия сочинительными союзами;
- включение подлежащего в деепричастный оборот.

Подобные случаи чаще встречались в первой половине столетия, а также в поэтической речи. К концу периода их число заметно сокращается. В целом для языка XVIII века было свойственно использование как одиночных деепричастий, так и деепричастных оборотов, передающих разные значения и близких по своему употреблению к нормам современности.

Таким образом, характеризуя основные направления развития деепричастных форм в русском литературном языке XVIII века, можно отметить следующее:

1. Близится к завершению процесс закрепления того или иного суффикса за глаголами конкретного вида, приближающий языковую ситуацию конца XVIII века к современной норме.

2. В процессе формальной стабилизации оказываются противопоставленными деепричастия, образованные от возвратных и невозвратных глаголов.

3. В результате использования разных генетических возможностей образования деепричастий продолжают существовать многочисленные синонимичные формы; большинство из них не имеет стилистических и семантических отличий, однако сохранению синонимии способствует ряд факторов, важнейшим из которых является фонетический.

4. Образование и использование деепричастий в поэтическом языке и прозе имеет ряд особенностей, отражающих специфику этих разновидностей литературного языка.

5. Значительно стабилизировались нормы синтаксического функционирования деепричастий.

6. Продолжается процесс семантического словообразования: закрепляются старые и появляются новые наречия, союзы и предлоги, связанные своим происхождением с деепричастиями.

В двух разделах **5 главы** «Деепричастия в современном русском литературном языке» рассматривается развитие синонимических отношений в сфере деепричастных форм в XIX и XX-XXI веках, третий раздел посвящен некоторым вопросам их синтаксического функционирования на современном этапе. Варьирующие формы вызвали неодинаковую реакцию авторов грамматических трудов как в XIX столетии, так и в настоящее время.

Для деепричастий СВ в XIX веке можно выделить следующие синонимические отношения: синонимия форм с суффиксами *-а/-в(-вши)*, с одной стороны, и *-в/-вши* – с другой.

К концу XVIII - началу XIX веков в первой группе образований происходит заметное перемещение суффикса *-а* в сферу возвратных глаголов. Снижение его активности у невозвратных глаголов II спряжения проявляется, в частности, в нарастании числа невозвратных глаголов, образующих синонимичные формы на *-в* (*оставя-оставив, поруча-поручив, усмотря-усмотрев* и др.), и увеличении количества форм на *-в*, не имеющих синонимов.

Синонимичные формы типа *-а/-в/-вши* равноправны в семантико-стилистическом отношении, ср.: *Марья Ивановна, ... бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы* (Пушкин КД 371.32) и: *Брося взор на сии строки, с изумлением увидел я, что они заключали не только замечания о погоде и хозяйственные счета* (Пушкин ИГ 133.10); *Рыцари пересадивши некоторую часть пленных на свой корабль, сами пересели на их судно* (Ист.морех., III-42) и: *Он пересадя своих солдат с кораблей на галеры.., устремился на сию пловучую крепость* (Ист.морех., III-136).

Таким образом, формы СВ на *-в/-вши* и *-а (-я)* в XIX веке не были противопоставлены друг другу, не отличались стилистически, что нашло отражение в свободном включении тех и других в произведения многих авторов. Вместе с тем нужно отметить различное отношение писателей к формам на *-а (-я)*: одни используют их довольно широко (М.Ю.Лермонтов, С.Т.Аксаков, Ф.И.Тютчев и др.), другие ограничиваются лишь отдельными формами, которые часто имеют параллельные образования с суффиксом *-в / -вши* (Н.В.Гоголь, В.Даль, И.С.Тургенев, Н.Г.Гарин-Михайловский и др.), третьи вообще их не употребляют (В.Г.Белинский, Н.Добролюбов, К.М.Станюкович, Д.Н.Мамин-Сибиряк, А.П.Чехов и др.).

Между тем на протяжении всего XIX века деепричастия СВ с суффиксом *-а* сохраняли достаточную активность среди возвратных глаголов II спряжения. В этом можно усмотреть попытку продолжить развитие формального противопоставления невозвратных и возвратных глаголов.

В русском литературном языке XIX века существовала синонимия деепричастий на *-в/-вши*, которые не имели различий функционального характера. Формы с суффиксом *-вши*, образованные от невозвратных глаголов СВ и НВ, получают заметное распространение в первой половине XIX столетия. Подобные деепричастия использовали многие авторы, причем контекстуальные условия в большинстве случаев не дают оснований для оценки их как стилистически маркированных. Они употреблялись:

— в художественных произведениях:

...мы и отправились, взявши с собой ружье, заряженное холостым патроном (Лермонтов, 2-561);

— в научных и публицистических сочинениях:

Не ставши наравне с своим веком, он был несравненно выше своего общества (Белинский, с.54); *Освободивши требования новых эстетиков... от логических противоречий.., мы получим такую формулу* (В.Соловьев, с.91); *Сказавши, что эти глаголы средние, возвратные и страдательные, мы их определим весьма неточно...* (Потебня 1958, с.132);

— в письмах: *Чтобы судить вещь, а паче человека, должно его видеть со всех сторон.., и тогда только, подумавши, решиться* (Батюшков, 2-75); *Ставши простою речью между другими речами, моя работа не имеет никакого права на предпочтение перед другими* (Тургенев, 12-263).

Возможность включения форм на *-вши* в поэтические строки, наряду с высокой лексикой, также говорит об их нейтральном характере: *И я знаю, взглянувши на звезды порой, / Что взирали на них мы как боги с тобой* (Фет).

Деепричастия с суффиксом *-вши* и у А.С.Пушкина, и у М.Ю.Лермонтова чаще употребляются в поэзии, чем в прозе. Здесь они свободно чередуются с образованиями других типов, причем часто в рамках одного контекста, что может расцениваться как использование указанных форм в качестве ритмообразующего средства.

Для деепричастий НВ на протяжении всего XIX века происходили изменения в функционировании деепричастий с суффиксом *-учи* (*-ючи*), синонимичных формам на *-а* (*-я*). В русском литературном языке XIX века, вопреки предписаниям нормативных грамматик, формы на *-учи* были достаточно распространены, что отчасти могло быть вызвано тем, что для их образования почти не было фонетических ограничений. Мнение о том, что их употребление заметно сокращается уже в первой половине века, а «во второй половине и особенно к концу века они сохраняются *только* (выделено нами – Л.А.) в стилизованной речи как единичные образования» (А.Б.Шапиро), представляется опережающим языковую практику рассматриваемого периода. Учитывая контекстуальные условия употребления и разнообразие глагольных основ, от которых образовывались эти формы, говорить об их стилистической окрашенности не всегда возможно: *Идучи* от графа к себе домой, он усиленно чему-то улыбался (Гончаров); Она вошла в гостиную, *смеючись, ласкаячи* Сашу быстрыми, нежными глазами (Сологуб); Все это я окончательно сообразил и обдумал сейчас, *едучи* домой (Достоевский) [Примеры из В.И.Чернышева].

Действительно, к концу столетия сфера их употребления постепенно сужается, ограничиваясь рамками поэтической речи, где они используются как своеобразный способ поддержания стихотворного размера и ритма. Другой областью функционирования образований на *-учи* становится разговорный язык, причем в этом случае происходит их закрепление в составе устойчивых выражений (*говорить жалеючи, делать умеючи* и под.)

Кроме того, суффикс *-учи* (*-ючи*) также выступает как средство, способствующее образованию деепричастий от ряда глаголов, испытывавших при этом известные сложности. Затруднения при образовании деепричастных форм с течением времени становятся более заметными, чем это было в начальный период их истории. Это находит отражение не только в существовании форм, в которых видовая принадлежность производящей основы вступает в противоречие с суффиксом, принимающим участие в их образовании (*писав*), но и в наличии одноосновных синонимов (*пишаша-пишучи*).

Нежелательные или невозможные с точки зрения грамматических руководств деепричастия появлялись у разных авторов на протяжении всего столетия. При этом поэтический язык оказывается наиболее терпимым к образованиям такого рода, например: *Дева тотчас умолкла, сон его легкий*

лелея, / И улыбалась ему, тихие слезы дия (Пушкин С 3 233.4); Но тем одним лишь отличалась, / Что, жажду скифскую поя, / Бутылка полная вливалась / В ее широкие края (Пушкин С 2 163.14).

Образование деепричастий НВ с суффиксами *-в*, *-вши* иногда вызывалось причинами фонетического характера. Вместе с тем, у них отчасти сохранялось значение завершенности второстепенного действия, например: *Император Василий скончался, царствовал с честью, и содержав мореходство в цветущем состоянии (Ист.морех., II-133); Не спавши целую ночь, я бросился на постель и крепко заснул (Пушкин КД 382.21); Да рифмы искать, не читав стихов, все то же, что лечить заочно, не выдав больного (Батюшков, 2-106).*

Формы НВ с суффиксами *-в*, *-вши* имели б'ольшую распространенность в начале столетия. Впоследствии названные образования не получили распространения и были утрачены, что могло быть связано с несоответствием, существовавшим между видом производящего глагола и аффиксом деепричастия.

Характеризуя развитие деепричастий на протяжении XIX века, нужно отметить следующие основные направления:

1. Существовавшая в начале XIX столетия синонимия деепричастных форм активно развивалась на протяжении всего рассматриваемого периода. При этом каждая из имевшихся возможностей не спешила сдавать свои позиции, продолжая искать пути своего сохранения, среди которых:

- придание деепричастиям стилистической окрашенности,
- попытка преодолеть фонетические препятствия на пути образования отдельных форм,
- тенденция к противопоставлению возвратных и невозвратных глаголов.

2. На основании примеров употребления форм с суффиксами *-вши* и *-учи* представляется возможным говорить о сохранении ими стилистической нейтральности на протяжении всего XIX века, за исключением индивидуально-авторского использования этих образований в стилистических целях.

3. В случаях, когда возможности сохранения формы в рамках категории деепричастия были исчерпаны, происходило семантическое словообразование на его основе или закрепление формы в составе устойчивого оборота (*жить умеючи, работать играючи* и под.).

Отношения синонимии (или варьирования) форм находятся в постоянном развитии и на современном этапе истории русского языка. Об этом свидетельствует и неоднозначная оценка синонимичных образований в разных грамматических руководствах, относящихся к одному и тому же периоду. Характеризуя способы образования деепричастий в современном русском литературном языке, Русская грамматика (1980) выделяет следующие основные суффиксы: для НВ – *-а*, для СВ – *-в/-вши/-ши*.

Немаркированными вариантами считаются формы с суффиксом *-а* от ряда глаголов СВ (*возвратясь, заметя, приведя, подойдя* и др.). Общая тенденция развития синонимии типа *увидя-увидев* заключается в постепенном сокращении синонимичных форм, по сравнению с XIX – началом XX века. Формы на *-в* заняли устойчивое положение в современном языке, они не воспринимаются как книжные, хотя и формы на *-а* продолжают проявлять активность, особенно у возвратных глаголов II спряжения, а также у ряда невозвратных глаголов, таких как *увидеть, завидеть, услышать* и некоторых других.

Иначе складывалась судьба деепричастных форм с суффиксом *-вши*, которые почти единодушно расцениваются авторами грамматических трудов как стилистически маркированные и употребляющиеся для придания контексту разговорно-просторечной окраски. Ученые фиксируют их в языке художественной литературы начала XX века (И.Бунин, Вс.Иванов, В.Катаев, К.Федин, В.Шкловский и др.). Эти традиции сохраняются и в настоящее время, например: *И не столам конторским кланяясь, а лесным кустам, да наломавши стину ношей, в избу возвращалась Матрена уже просветленная, всем довольная, со своей доброй улыбкой* (Солженицын).

Значительное количество деепричастий с суффиксом *-вши* отмечено в поэтической речи, в частности, в поэзии первой половины XX века (И.Бунин, Н.Гумилев, А.Белый, А.Ахматова и др.), где они употреблялись с целью создания или поддержания определенного стихотворного ритма и размера:

Каретный кузов быстро промелькнул, / Блеснувши глянец стекол мерзлых (Бунин); *Так в небе, внезапно прорезавши тьму, / Мелькает золотая комета* (Гумилев); *Когда умру, не станет он грустить, / Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!»* (Ахматова).

Деепричастия с суффиксом *-вши* используются как средство создания иронии в фельетонах: *Ибо – вы только подумайте, а, подумавши, ужаснитесь, до чего же распоясались эти хвалители: «великий русский поэт Мандельштам» (кошмар!)* (Рассадин).

Дополнительным фактором, поддерживающим образование форм с суффиксами *-в* или *-вши* от глаголов НВ, является наличие отрицания: *Никогда в жизни еще не работав над музыкой Прокофьева, я полюбила его как человека* (Вишневская).

Чрезвычайно редко употребляются в современном русском литературном языке деепричастия с суффиксом *-учи* (*-ючи*). Они, как правило, являются стилистически маркированными, однако эта окраска существенно менялась на протяжении XX века, о чем, в частности, свидетельствуют материалы разных грамматик. Можно отметить основные стилистические приемы их использования:

— в прямой речи для создания речевых портретов персонажей: *Не возрадовался бы твой покойный отец, глядючи на тебя!* (М.Шолохов); *Ты меня перед смертью без Таньчоры оставил. Не пожалел. Не посмотрел, что я, дожидаячись ее, саму себя перетерпела* (В.Распутин);

— с целью архаизации языка или стилизации под народную речь: *Сидючи под иконами, скушал он просфорку божию и пальцем подозвал сподвижников своих, палачей Могучего и Глазова* (Пикуль);

— для придания контексту иронического звучания: *Во-первых он удалил из Кабинета министров степашинского предшественника Вадима Густова, который, сидючи в «Белом доме» с кризисной осени, ничем себя не «запятнал» – ни хорошим, ни плохим* (Комсомол. правда, 1999).

В поэтическом языке подобные образования выступали как ритмическое и рифмообразующее средство, ср.: *Весна! Не отлучайтесь / Сегодня в город. Стаями / По городу, как чайки, / Льды раскричались, таючи* (Пастернак).

Формы на *-учи (-ючи)* проявляют особую активность в процессе адвербиализации: *Не следует считать, что участники преступной группы кейфуючи собирали с автоматов дань и сибаритствовали* (Известия).

Среди деепричастий с суффиксом *-учи* особое место занимают образования *идучи* и *едучи*, для которых было характерно длительное стилистически немаркированное употребление, причем для глагола *ехать* – это единственная возможная форма деепричастия.

Таким образом, для образования и функционирования деепричастных форм в русском литературном языке XX-XXI веков было характерно следующее:

1. Существовавшая в начале периода грамматическая синонимия постепенно сокращается за счет перехода в категорию стилистически маркированных образований на *-учи* и *-вши*, хотя в отдельных случаях они могут употребляться и без всякой окраски, выступая в рамках поэтических текстов в качестве ритмообразующего средства.

2. На современном этапе процесс формального становления деепричастий, которые продолжают сохранять синонимичные образования, еще не получил окончательного завершения. Объяснением этого могут служить разные факторы, среди которых наиболее значимыми представляются фонетические – невозможность образования деепричастий от отдельных глаголов, а также стилистические – использование тех или иных синонимичных форм в разнообразных стилистических целях.

Что касается норм синтаксического функционирования деепричастий, то они в целом сложились к XIX веку. Его основными чертами были:

- употребление деепричастия в функции второстепенного сказуемого, указывающего на добавочное действие, которое предшествует основному или сопутствует ему;
- употребление деепричастия в обстоятельственном значении;
- семантическая связь с подлежащим, которая предполагает совпадение субъектов основного и второстепенного действия.

В **Заключении** диссертации отражены и обобщены основные результаты исследования в соответствии с поставленными задачами:

— основные направления становления деепричастия были связаны с выработкой типового грамматического значения, закреплением конкретных синтаксических функций и стабилизацией формы;

— изменения на каждом из указанных направлений происходили неодновременно и с разной степенью интенсивности. На самых ранних этапах функционирования именных форм старого причастия, зафиксированных в древнейших памятниках старославянского и древнерусского языка, отчетливо проявляла себя специфика их *грамматического значения* – указание на действие и сопровождающие его различные обстоятельственные характеристики. С этим были связаны и формирующиеся *синтаксические функции* – предикативная (второстепенное сказуемое), предикативно-обстоятельная и обстоятельная, также нашедшие отражение в древнейших памятниках русского языка;

— накопление отличительных черт, которые были обусловлены предикативным значением и синтаксическим употреблением причастных форм, выделявшихся из остальной парадигмы (формы именительного, отчасти, дательного и винительного падежей), стало одним из катализаторов процесса формирования деепричастия: краткие формы древнего действительного причастия, специализировавшиеся в предикативной и обстоятельной функциях, все дальше отходили от полных, употреблявшихся в роли атрибута, дав начало процессу формирования новой грамматической категории – деепричастия;

— вместе с тем, в ранних древнерусских памятниках еще сохранялась синкретичность старого причастия, что нашло отражение в возможности именных и местоименных форм, выступать в идентичных синтаксических позициях;

— дальнейшие изменения в синтаксическом употреблении деепричастных форм были связаны с постепенным освобождением от функций самостоятельного и однородного сказуемого, которые присутствовали в древнерусских памятниках и спорадически отражались вплоть до конца XVII века, прежде всего в текстах, связанных с традицией предшествующей эпохи; единство субъекта основного и второстепенного действий было представлено на протяжении всей истории деепричастия (за исключением случаев употребления рассматриваемых образований в качестве самостоятельного сказуемого);

— уже в древнерусском языке исследуемые формы выражали разнообразные обстоятельственные значения, диапазон которых был достаточно широким, охватывая все возможные обстоятельственные характеристики совершения действия: времени, причины, образа действия, условия, цели и др., что нашло отражение на всех этапах эволюции деепричастия;

— формально-грамматическое становление деепричастия происходило позднее, чем синтаксическое и не до конца завершено в современном русском языке;

— в процессе грамматической стабилизации категория времени старых причастных форм уступила место категории вида в деепричастии, хотя выражение временного соотношения основного и второстепенного действия и сейчас остается одним из его важнейших признаков;

— возможности образования деепричастий на ранних этапах их становления были более широкими, чем в современном языке, что приводило к появлению многочисленных синонимов;

— формальная стабилизация деепричастия осуществлялась в результате конкуренции синонимичных форм, каждая из которых не просто уступала свои позиции, находя для себя «ниши» в структуре стилистических и грамматических отношений, образуя новые синонимические ряды и давая тем самым импульс для дальнейшего развития;

— на разных этапах развития категории деепричастия сохранение отдельных синонимов поддерживалось фонетическими, грамматическими, семантическими и стилистическими факторами;

— в процессе выработки и закрепления единой формы наблюдалось не только постепенное освобождение от синонимичных образований, но и возврат к некогда существовавшим и на какое-то время забытым формам (“развитие по спирали”);

— синонимические отношения складывались по-разному в пределах разных видов: если синонимы совершенного вида не отличались между собой, то у несовершенного вида они имели семантико-грамматические отличия;

— появившись в результате обособления отдельных форм древнейшего причастия, то есть будучи семантически производными образованиями, деепричастия в процессе своего исторического развития сами становятся базой для семантического словообразования;

— проведенное исследование позволило определить основные тенденции в развитии деепричастия, в том числе и его стремление к обособлению и превращению в самостоятельную лексико-грамматическую категорию, активно функционирующую в современном русском литературном языке.

Таким образом, вся история деепричастия в русском языке представляет собой непрерывный процесс его эволюции, проявившийся:

а) в закреплении особого грамматического значения второстепенного действия;

б) в выработке специфических синтаксических функций – предикативной, предикативно-обстоятельственной и обстоятельственной;

в) в стабилизации неизменяемой грамматической формы.

Основные положения и результаты работы получили отражение в следующих публикациях:

1. Абдулхакова Л.Р. Структурные, семантические и функциональные особенности деепричастных форм в «Путешествиях русских послов» XVI-XVII вв. / Л.Р. Абдулхакова // Историческое развитие языков и методы его изучения. – Свердловск, 1988. – Ч.2. – С.84-85. (0,1 п.л.)

2. Абдулхакова Л.Р. Влияние языковых факторов разных уровней на функционирование вариативных деепричастных форм в памятниках XVI-XVII вв. / Л.Р. Абдулхакова // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур (Текст. Коммуникация. Перевод.). – Казань, 1989. – Ч.1. – С.81. (0,1 п.л.)

3. Абдулхакова Л.Р. Грамматические особенности образования деепричастий в первой половине XVIII в. (на материале произведений В.Н.Татищева) / Л.Р. Абдулхакова // Материалы итоговой конф. КГУ за 1989 г. – Казань, 1990. – С.123-124. (0,1 п.л.)

4. Абдулхакова Л.Р. Деепричастные формы в «Книге о скудости и богатстве» И.Т.Посошкова (1724 г.) / Л.Р. Абдулхакова // Закономерности языковой эволюции. – Рига, 1990. – С.45. (0,1 п.л.)

5. Абдулхакова Л.Р. Из наблюдений над образованием деепричастных форм в конце XVII - начале XVIII вв. / Л.Р. Абдулхакова // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции. – М., Ужгород, 1991. – С.172. (0,1 п.л.)

6. Абдулхакова Л.Р. Структурные, семантические и функциональные особенности деепричастных форм в «Путешествиях русских послов» XVI-XVII вв. / Л.Р. Абдулхакова // История русского языка. Лексикология и грамматика. – Казань, 1991. – С.3-8. (0,4 п.л.)

7. Абдулхакова Л.Р. Деепричастные формы в «Книге о скудости и богатстве» И.Т.Посошкова (1724 г.) / Л.Р. Абдулхакова // История русского языка. Стилистика. Текст. – Казань, 1992. – С.66-70. (0,3 п.л.)

8. Абдулхакова Л.Р. Деепричастные формы в сочинениях Г.Р.Державина / Л.Р. Абдулхакова // Г.Р.Державин: Личность, творчество, современное восприятие. – Казань, 1993. – С.57-58. (0,1 п.л.)

9. Абдулхакова Л.Р. Особенности образования и функционирования деепричастий в первой четверти XIX в. / Л.Р. Абдулхакова // Формирование норм русского литературного языка XVIII в. – Ижевск, 1994. – С.98-105. (0,5 п.л.)

10. Абдулхакова Л.Р. Из наблюдений над образованием деепричастных форм в русском литературном языке конца XVII – начала XIX вв. / Л.Р. Абдулхакова // В.В.Виноградов: Международ.юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад.В.В.Виноградова. – М., 1995. – С.26-27. (0,1 п.л.)

11. Абдулхакова Л.Р. О синонимии и вариантности в деепричастных формах / Л.Р. Абдулхакова // Проблемы русской морфемики. – Орехово-Зуево, 1995. – С.79-81. (0,2 п.л.)

12. Абдулхакова Л.Р. О развитии деепричастий в современном русском языке / Л.Р. Абдулхакова // Бодуэн де Куртенэ: Теоретическое наследие и современность. – Казань, 1995. – С.3-4. (0,1 п.л.)

13. Абдулхакова Л.Р. Деепричастия на *-учи* в русском языке XVIII века / Л.Р. Абдулхакова // Актуальные проблемы истории русского языка: Науч. конф., посвященная 70-летию проф. В.М.Маркова – Казань, 1997. – С.17-19. (0,2 п.л.)

14. Абдулхакова Л.Р. Деепричастия на *-учи(-ачи)* в истории русского языка / Л.Р. Абдулхакова // История русского языка. Словообразование и формообразование. – Казань, 1997. – С.87-96. (0,7 п.л.)

15. Абдулхакова Л.Р. Семантическое словообразование на базе деепричастий в русском языке / Л.Р. Абдулхакова // Языковая семантика и образ мира: Международ.науч.конф., посвященная 200-летию Казан.ун-та. – Изд-во Казан.ун-та, 1997. – Кн.1. – С.152-153. (0,1 п.л.)

16. Абдулхакова Л.Р. Синонимичные формы слов и их использование А.С.Пушкиным / Л.Р. Абдулхакова // А.С.Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: Международ.науч.конф., посвященная 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина. – Казань, 1998. – С.86-87. (0,1 п.л.)

17. Абдулхакова Л.Р. Из наблюдений над образованием и функционированием деепричастных форм в русском литературном языке XVI-XIX веков / Л.Р. Абдулхакова // Slavistische Studien zum XII. Internationalen Slavistenkongress in Krakau 1998. – Peter Lang. – Europaeischer Verlag der Wissenschaften. – 1998. – 265-277. (0,8 п.л.)

18. Абдулхакова Л.Р. К вопросу об образовании деепричастий в русском языке (на материале Московского летописного свода конца XV века) / Л.Р. Абдулхакова // Ученые записки Казанского университета. – Т. 135. Языковая семантика и образ мира. – Казань, 1998. – С. 4-12. (0,6 п.л.)

19. Абдулхакова Л.Р. Деепричастия в русском литературном языке первой трети XIX века / Л.Р. Абдулхакова // А.С.Пушкин и русский литературный язык в XIX-XX веках. – Н.Новгород, 1999. – С. 3-4. (0,1 п.л.)

20. Абдулхакова Л.Р. Из истории именных и местоименных форм действительных причастий / Л.Р. Абдулхакова // Актуальные проблемы современной русистики: Всеросс. научно-практ.конф. – Ч.1. – Киров, 2000. – С.18-19. (0,1 п.л.)

21. Абдулхакова Л.Р. Полные формы действительных причастий в «Житии Феодосия Печерского»: функционально-семантический аспект / Л.Р. Абдулхакова // Филология на рубеже тысячелетий: Материалы Междунар.конф. – Ч. 2. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 34-35. (0,1 п.л.)

22. Абдулхакова Л.Р. Деепричастные формы в русском литературном языке пушкинской поры / Л.Р. Абдулхакова // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. – Чебоксары, 2000. – Кн. 1. – С.184-194. (0,7 п.л.)

23. Абдулхакова Л.Р. Из истории становления деепричастий в русском языке / Л.Р. Абдулхакова // *Deutsch-russischer Dialog in den Philologien* (Немецко-русский диалог в филологии). – Peter Lang. – Europaeischer Verlag der Wissenschaften. – 2001. – С.471-480. (0,6 п.л.)

24. Абдулхакова Л.Р. К вопросу о становлении норм русского литературного языка в начале XIX века (деепричастия) / Л.Р. Абдулхакова // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. / Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – Изд-во МГУ, 2001. – С.35. (0,1 п.л.)

25. Абдулхакова Л.Р. О соотносительности прилагательных и причастий в истории русского языка / Л.Р. Абдулхакова // *Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур: Материалы научной конференции*. – Казань, 2001. – С.4-6. (0,2 п.л.)

26. Абдулхакова Л.Р. Разновременные летописные своды как источник изучения истории деепричастных форм / Л.Р. Абдулхакова // *Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф.* (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы. – Казань, 2001. – Т.1. – С.53-54. (0,1 п.л.)

27. Абдулхакова Л.Р. Деепричастные формы в языке произведений фольклора / Л.Р. Абдулхакова // *Ученые записки Казанского государственного университета*. – Т.143. – Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Материалы междунар. научн.конф. «Бодуэновские чтения» (Казань, 11-13 декабря 2001 г.). – Казань, 2002. – С.101-106. (0,4 п.л.)

28. Абдулхакова Л.Р. Грамматическая синонимия и ее отражение в языке Г.Р. Державина / Л.Р. Абдулхакова // *Г.Р.Державин в новом тысячелетии: Материалы Международ. науч. конф., посв. 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания ун-та* (Казань, 10-12 ноября 2003 г.) – Казань, 2003. – С.51-53. (0,1 п.л.)

29. Абдулхакова Л.Р. Синтаксические функции именных и местоименных форм действительных причастий в одном древнерусском памятнике / Л.Р. Абдулхакова // *Русская и сопоставительная филология: Системно-функциональный аспект*. – Казань, 2003. – С.3-6. (0,3 п.л.)

30. Абдулхакова Л.Р. Динамика деепричастных форм в русском литературном языке первой половины 18 века / Л.Р. Абдулхакова // *II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность* (Казань 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы. – Казань, 2003. – Т.2. – С.49-51. (0,2 п.л.)

31. Абдулхакова Л.Р. Особенности деепричастных форм в русском литературном языке второй трети XVIII в. (на материале сочинений В.К.Тредиаковского) / Л.Р. Абдулхакова // *Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка* (Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы. – М., 2004. – С. 32. (0,1 п.л.)

32. Абдулхакова Л.Р. О некоторых грамматических формах в сочинениях В.К.Тредиаковского / Л.Р. Абдулхакова // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – с. 3-7. (0,3 п.л.)

33. Абдулхакова Л.Р. Некоторые особенности деепричастных форм в языке Г.Р.Державина / Л.Р. Абдулхакова // Державин глазами XXI века: (К 260-летию со дня рождения Г.Р.Державина) – Казань, 2004. – С. 5-10. (0,4 п.л.)

34. Абдулхакова Л.Р. К изучению русского деепричастия: причины и хронология возникновения / Л.Р. Абдулхакова // Лингвистические исследования: Сб. научных работ памяти проф. Герберта Йелитте. – Казань, 2004. – С.13-20. (0,6 п.л.)

35. Абдулхакова Л.Р. К вопросу о времени образования деепричастий в русском языке / Л.Р. Абдулхакова // VI Славистические чтения памяти проф. П.А.Дмитриева и проф. Г.И.Сафронова: Материалы международной научной конференции. 9-11 сентября 2004 года. – СПб., 2005. – С. 147-150. (0,3 п.л.)

36. Абдулхакова Л.Р. Сравнительная характеристика именных и местоименных форм действительных причастий в одном древнерусском памятнике / Л.Р. Абдулхакова // Исследования по русскому и славянскому языкознанию: Сборник статей к 70-летию проф. Г.А.Николаева. – Казань, 2005. – С.54-61. (0,5 п.л.)

37. Абдулхакова Л.Р. К проблеме происхождения деепричастия в русском языке / Л.Р. Абдулхакова // Ученые записки КГУ. Серия Гуманитарные науки. – Т.148, кн.2. – 2006. – С.23-31. (0,5 п.л.)

38. Абдулхакова Л.Р. Изменения в деепричастных формах в русском литературном языке первой половины XVIII века // Ученые записки КГУ. Серия Гуманитарные науки. – Т.148, кн.3. – 2006. – С.8-13. (0, 4 п.л.)

39. Формально-грамматические особенности деепричастных форм в старорусском языке (XVI-XVII вв.) / Л.Р. Абдулхакова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-н/Д., 2007. – № 3 – С.119-127 (0,7 п.л.)

40. Абдулхакова Л.Р. Развитие грамматической синонимии деепричастных форм в русском литературном языке XIX-XX вв. // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2007. – № 3. – С.124-136 (0,7 п.л.)

41. Абдулхакова Л.Р. Из истории русского деепричастия: учеб. пособ. / Л.Р. Абдулхакова. – Казань: Казан.гос.ун-т, 2007. – 64 с. (3,8 п.л.)

42. Абдулхакова Л.Р. Развитие категории деепричастия в русском языке / Л.Р. Абдулхакова. – Казань: Казан.гос.ун-т, 2007. – 188 с. (12,5 п.л.)

43. Некоторые замечания о синонимии деепричастных форм в русском языке // Русская словесность. – 2007. – № . – С. (0,3 п.л.) *(В печати)*

